

A close-up photograph of a woman with long, wavy, light-colored hair and a young child with curly hair. They are both looking upwards and to the right with expressions of hope and wonder. The background is softly blurred, showing pink flowers and warm, golden light, suggesting an indoor setting with a window or a decorative light source. The overall mood is tender and emotional.

Яна Тарьянова

ВАТРУШКА
для Тимохи

Яна Тарьянова

Ватрушка для Тимохи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69492247

SelfPub; 2023

Аннотация

Цикл «О пастве Камула и Хлебодарной». Продолжение истории «Кафетерий для спецназа» (бесплатный доступ на ЛитРес). Избалованная чернобурка Вероника, наследница торговой империи, хочет заполучить себе волка Зорьяна. Подорвавшийся сапер Тимоха-Мохито хочет перевестись в другой отряд – одиночество стало невыносимым. Военная часть таит скульптурную жемчужину, «Сидящих», утерянные статуи Камула и Хлебодарной. Кто положит скрутки в чаши обновленных алтарей? Будут ли завязаны шнурки брачных браслетов? Сможет ли Тимоха преодолеть свои комплексы и признаться в любви белой медведице, которую он спас из заточения? Подсказка: счастливый финал. :=) От автора: Использована канва книги «Коржик для Мохито», ранее публиковавшейся на сайте.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Зорьян	11
Глава 2. Мохито	36
Глава 3. Вартуша	60
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Яна Тарьянова

Ватрушка для Тимохи

Пролог

– Подумай, – посоветовал полковник Новак. – Специально не стал вызывать тебя в кабинет, решил заранее словом перемолвиться. Это не сброс балласта, новый отряд формируют из компетентных сотрудников с идеальной биографией. Собирают с миру по нитке. Только оборотни, только офицеры. Альфы. Предпочтительно – холостяки. Командиром поставят Светозара из Лисогорского ОМОНа.

– Я его знаю, – оторвался от курицы подполковник Розальский. – Нормальный волк, хозяйственный, своих в обиду не дает. Но подумать надо, – он повернулся к Мохито, продолжил: – Наркоконтроль давным-давно присматривается к здешним медвежьим поселениям. Сам знаешь, есть сигналы, что не только разрешенную законом медовуху там по бутылкам разливают.

Мохито кивнул – знал. И – отчасти – поэтому плохо ладил с сородичами. Медвежья община не считала сбыт аконита или волчьих ягод серьезным грехом: хотят лисы и волки травиться – их дело. Горожане не осуждали сельских жителей, производивших ядреную медовуху, некоторые торго-

вали разнообразной продукцией, некоторые делали вид, что ничего подобного не существует. Но все, как один, сторонились сотрудников правоохранительных органов. У кого-то родич на одном хуторе, у кого-то свояк на другом... лучше не болтать лишнего, чтобы не подставить.

– Будут рейды. Для того отряд и создают. Волкам-то все равно, а ты потеряешь шанс медведицу сосватать, если какая-то приглянется.

– Этого шанса никогда не было, – отмахнулся Мохито. – Меня всемером в переулке отдубасят, если я к кому-то из пещерниц попробую подойти. О чем еще подумать?

– А тогда больше и не о чем, наверное, – пожал плечами Анджей.

– Если не сработаешься с сослуживцами или рассоришься с начальством, я тебя назад возьму, – пообещал Деметриуш. – Не за море переезжать придется, пять автобусных остановок. Соберешь авоськи и вернешься в общагу. Никаких проблем.

– Я подам заявление.

– Мохито! – оглушительно завопил Йонаш, заглянувший в кафетерий. – У Катарини зуб прорезался!

– Счастье-то какое, – пробормотал Деметриуш. – Шольт всему отряду этим зубом мозги вынес. Как в первый раз.

– Вероятно, Йошу нянчил, не приходя в сознание, а теперь спохватился, очнулся. Говорят, брошюрки для молодых родителей читает, – усмехнулся Анджей.

Йонаш швырнул рюкзак возле стола, с грохотом подтащил пластиковый стул, помахал Снежке, уселся, затрещал:

– Папа ночью собирался «Скорую» вызывать, думал, что врач ошибся и это простуда. Ханна сказала: «Подождем до утра». Катя заснула, а утром зуб! Папа говорит – я был беспроблемный. А с Катей все не так.

Мохито почувствовал, как молоко, которым он неосторожно запил речь Йоши, встало поперек горла. Беспроблемный? Наверное, у Шольта что-то с памятью случилось после женитьбы. Провалы образовались.

– Папа говорит – сегодня устроим зубную вечеринку. Дядя Анджей, дядя Деметриуш, вы придете?

– Куча дел.

– Очень много дел!

Завершающее: «Не получится» полковник и подполковник произнесли хором.

– А ты?

Йонаш уставился на него умоляющим взглядом. Мохито кивнул, подавляя желание сослаться на занятость. Посиделки в очередной раз заставят почувствовать себя лишним. Чужаком, которому нет места у семейного очага. И, в то же время, хотелось с кем-то обсудить возможный переход в другой отряд, а друзей, кроме Шольта, он не нашёл.

– Хорошо! – Йонаш искренне обрадовался. – Я скажу Ханне. Попросить, чтобы она испекла тебе шарлотку?

– Ни в коем случае! Пусть Катарину нянчит. Куплю торт,

чтобы не с пустыми руками.

В списке дел, которые надо было сделать до вечера, появился новый пункт – купить открытку-конверт с более-менее подходящей надписью и вложить в нее купюру. Интересно, есть ли открытки: «С первым зубом»?

– Мохито! – Окрик раздался из открывшейся двери. – К майору! План разминирования полигона утверждают.

Мохито встал из-за стола, попрощался и отправился в часть. По пути он чувствовал, как отступает напряжение, сковывавшее тело – расплата за визит в кафетерий Ханны, на территорию счастливого семейства. Он запрещал себе злиться, но это не очень хорошо получалось. Ханна разбила его маленькую стаю, сманила Шольта и Йошу, привязала к себе пирожками, а теперь и крошечной висицей Катариной. Мохито чувствовал себя обкраденным и ненужным. Первое Изгнание Демона Снопа – сразу после свадьбы Шольта и Ханны – он встретил в непривычном одиночестве, еще не понимая, что это навсегда. Поначалу ему казалось, что все вот-вот вернется на круги своя: Йоша прибежит из школы, затараторит, жалуясь на учителей и одноклассников, Шольт загрохочет кастрюлями, проведет инспекцию холодильника, тайком выльет суп. Шли дни, со скрипом проворачивалось колесо года, промелькнул День Сева, за ним Зажинки, неумолимо подступило Сретение, а через осенний праздник – снова Рождество и Изгнание.

Одиночество стало невыносимым и необходимым одно-

временно – соседи по общаге начали раздражать до зубовно-го скрежета, хотя встречи происходили только на лестничной площадке. Мохито чувствовал, что завяз в паутине ревности и лицемерия. Он ждал редких ночевок Йоши, исправно дарил подарки ему и Катарине, поздравлял Шольта и Ханну со всеми праздниками. И, каждый раз, после вечера в гостях, давал себе слово уехать в столицу, перестать подбирать крошки чужого счастья.

Перевод в другой отряд давал возможность разорвать замкнутый круг. Не лишаться встреч с Йонашем, к которому Мохито привязался, как к сыну. И, в то же время, переменить обстановку, сдвинуться с места, не теряя наработанных служебных связей. Как будто Камул озаботился его проблемами и надоумил министра создать новый отряд ради блага одного-единственного медведя.

К вечеру на телефон пришло целых шесть сообщений от Шольта. Бестолковый волк писал обрывками, словно не мог осилить длинный абзац.

«Йоша сказал что ты будешь».

«Я тебе забыл написать».

«Не спал укачивал».

«Мне кажется у Йоши сразу все зубы были».

«Купил шампанское».

«Наверное у девочек зубы по-другому».

Мохито посмотрел на часы и заторопился. Сначала свернул в другую сторону, прочь от кафетерия. Прогулялся до

универсама, купил коробку шоколадных конфет в виде сердца, нашел открытку «Счастливым родителям» с голубкой, несущей в клюве огромную алую розу. Добавил в корзинку торт-мороженое, бутылку шампанского и попросил лисицу-кассиршу сложить покупки в красивый пакет.

Он вручил подарок Ханне – Шольт сидел, покачивая Катарину на согнутом локте. Висица взяла пакет, улыбаясь, проговорила приветствие.

– О, конфеты! И торт! Спасибо большое. А Снежка припасла для вас малиновый пирог.

– Настоящий праздник!

Катарина закряхтела – словно почувствовала фальшь в сказанных словах.

– Пап! – закричал Йоша из соседней комнаты. – Я совсем забыл, завтра надо сдать деньги на занавески.

– Ты бы еще к полуночи вспомнил! – громогласно возмутился Шольт. – А если бы денег не было?

– Есть же, – пожала плечами Ханна и достала торт из пакета.

Катарина сморщила нос и зарыдала. Телефон во внутреннем кармане завибрировал, готовясь вторить детскому плачу звонком.

– Зарево, – сообщил дежурный, когда Мохито поднес телефон к уху. – Второе и пятое отделение – срочный сбор.

– Так точно.

Он подтвердил свою готовность, пробормотал Ханне:

«Извините», и двинулся к калитке, убирая телефон.

– Куда? – удивился Шольт, пытавшийся утихомирить Катарину.

– Срочный сбор второе и пятое. Зарево.

– Удачи!

Пожелание почти заглушил хлопок двери. Мохито почувствовал невероятное облегчение – не пришлось ни высиживать, ни убегать, прикрываясь враньем.

«Надо будет отблагодарить Камула подношением. А совет Шольта... я и без совета проживу. Все равно уже решил подавать документы».

Глава 1. Зорьян

Ежедневная тяжелая работа выматывала, прогоняла мысли из головы. Зорьян еще не понял, хорошо это или плохо. Он проживал похожие и, одновременно, разные дни. Утром садился на велосипед, выезжал из деревни по гравийной дороге, после короткого путешествия по шоссе добирался до старой ремонтной базы, расположенной на окраине районного центра. Велосипед облакачивался на ствол дерева, перчатки вынимались из бытовки. Зорьян не переодевался в рабочие вещи – приезжал в грязных джинсовых шортах, стиравшихся раз в неделю, и относительно чистой футболке. Его начальник, пожилой лис Сержук, допивал чай из шербатой чашки, садился за руль грузовичка и заводил мотор, одновременно сообщая о сегодняшних заказах. Основным источником дохода был металлолом. Они колесили по городу, забирая у желающих избавиться от хлама старые холодильники и разнообразный лом. Иногда вывозили на свалку строительный мусор, мебель, доведенную хозяевами до состояния рухляди. Или подрабатывали грузоперевозкой – в общем, что Камул послал, то и делали. Время от времени Сержук останавливался, раскладывал в подъездах многоквартирных домов визитки, спрашивал сидящих на лавочках стариков, нет ли у них ненужного барахла. Потрепанные жизнью грузовичок и лис выглядели безобидными. Сержук был вежлив,

охотно выслушивал жалобы людей и оборотней, и получал в награду сломанные стиральные машинки, утюги и велосипеды. Зорьян отсиживался в кабине, не мешая переговорам. Он появлялся в последний момент, когда надо было перенести тяжести. От него шарахались, и это было предсказуемо – мало кому нравилось, когда на пороге квартиры возникал здоровенный волк, обритый под ноль и обросший густой бородой.

Сержук, искавший напарника – прежний уехал в другой город – Зорьяна поначалу брать не хотел. Трижды оговорил испытательный срок, в первые дни присматривался с недоверием, побаивался. Потом привык, через месяц оттаял, поучать начал. Смешно, наверное, выглядели со стороны – мелкий жилистый лис бурчит, что-то выговаривает высокочному волку-альфе, покорно кивающему головой. Это если кто-то внимание обращал, обычно к мусорщикам никто не присматривается.

Зорьяну нравилось разглядывать разносортный хлам, слушать обрывки рассказов, прикасаться к чужому прошлому. Бывало, что им доставались сундуки со старомодными вещами, переложенными земляничным мылом. А в секретерах, комодах, да и в ящиках раскладных диванов частенько обнаруживались пачки пожелтевших открыток и фотографий. Зорьян трогал марлевые блузки с вышивкой, изображения смеющихся женщин в купальниках, письма с неразборчивыми строчками, и гадал о судьбах их хозяев.

Вещи напоминали о скоротечности времени – вроде бы, только вчера было детство, и соседка в похожей блузке приходила мать с Летним Равноденствием поздравлять. А такой же шкаф – только с целыми стеклянными дверцами и полочками – сосед на подводе из райцентра привез и долго собирал, ругая крепления и косоруких мебельщиков. Зорьян отгонял воспоминания – в детстве было не сильно-то много хорошего – и возвращался в день сегодняшний, повторяя себе: «Не вчера все это было, лет двадцать прошло».

Сержук, ощупывавший и тщательно осматривавший добычу, иногда предлагал: «Забери себе шкаф. Я привезу. Смотри, целый, хороший, только царапину замазать надо. У тебя и такого нет, трусы стопкой на стуле лежат. Живешь как в канаве, стыдно смотреть». Зорьян слушал ворчание лиса с улыбкой, отказывался. Только однажды взял себе неподписанную кустарную открытку с котиком и золоченой надписью: «С наилучшими пожеланиями». Точно такую же ему в школе подарили на день рождения, на первую круглую дату – десять лет.

Во второй половине дня разъезды заканчивались, и они возвращались на ремонтную базу. Сержук делил с Зорьяном обед, приготовленный женой – это входило в условия договора. Потом они пили чай в бытовке, болтали и начинали разбирать добычу. Часть барахла Сержук откладывал, чтобы оставить себе – то стопку книг, чтобы внуки почитали, то пальто, чтобы жена перелицевала. Зорьян, ни разу не быва-

ший у Сержука в гостях, но наслышанный о двух сараях, кивал и соглашался: «Да, конечно. Хорошая вещь. Пригодится».

Он довольно быстро научился сортировать металлолом. Сержук работал не подпольно, с лицензией, но никакой анализирующей аппаратуры у него и в помине не было. На черный и цветной металл делили «на глаз». Сержук отлично знал, где и в каких бытовых приборах можно найти цветной металл, учил Зорьяна секретам мастерства. Оказалось, что в газовой колонке старого образца таится почти шесть килограмм меди. Неприметное богатство.

Зорьян охотно применял новые знания на практике, ловко развинчивал на запчасти стиральные машинки и холодильники, резал на куски крупногабаритный металл, прессовал, подготавливая к сдаче. В первые дни он заканчивал работу в темноте, под фонарем – световой день был слишком коротким. Сейчас, с прибавлением дня, управлялся до сумерек, а то и раньше. Оттаскивал брикеты металла в запирающийся ангар – Сержук вывозил их раз в неделю – оставлял рабочие перчатки в бытовке и отправлялся домой.

По пути он покупал на вечернем рынке, что приглянулось – свежельовленную речную рыбу, десяток яиц или колечко домашней колбасы. Тонкий лаваш, копченое сало, густую сметану, зелень. Парниковые помидоры или огурцы. Если уставал так, что не хотелось делать лишних движений, заходил в магазин за консервами и лепешками.

Добравшись в избу, он неспешно готовил ужин, перед трапезой купался, стирал вещи – или не стирал, если было совсем лень. Футболка-то не одна. После ужина Зорьян перекидывался, укладывался на диван перед телевизором, смотрел на экран, не включая звук. Он не успевал ни о чем подумать – усталость брала свое. Волк сворачивался клубком, укрывал нос хвостом и крепко засыпал. Утром просыпался от дребезжания старенького будильника, завтракал и шел во двор, где его ждал велосипед.

В очередной день Сержук встретил его на пороге бытовки, приплясывая от нетерпения.

– Повезло! Ох, как повезло! Разбитый автомобиль отдают! Жаль, что лебедки нет. Но я сходни из сарая достал. Как-нибудь закатим в кузов, закрепим тросом... Справимся?

– Справимся, – кивнул Зорьян. – Катить – не поднимать. А кто такой богатый, что разбитыми машинами разбрасывается?

– Это из той усадьбы на холме, возле Витаминкомбината. Где Домбровский замок отгрохал на месте хутора. Дочка его велела автомобиль с глаз долой убрать, а мне управляющий позвонил. Его кума – моя соседка. Дай ей Хлебодарная счастья и здоровычка, вовремя визитку подсунула. Повезло!

– А! Понятно.

То, что миллионер Вольдемар Домбровский выкупил хутор и отстроил на месте родительской избы роскошную усадьбу, знала вся округа. Что там внутри – средневековый

замок или небоскреб – Зорьяну было неинтересно. Ясно одно – Сержука не пытаются кинуть, подсунув битый автомобиль и тут же заявив об угоне. Семейство Домбровских в подобных шуточках замечено не было, с их миллионами незачем так мелочиться.

Они мигом доехали до поворота на частную дорогу. Сержук позвонил, видеокамеры на столбах зашевелились, после короткого ожидания шлагбаум поднялся. На первом посту их просто осмотрели, проверили документы и записали фамилии в прошитую книгу. На втором – осмотрели, обыскали, только что в задницу не заглянули. А водительские права Зорьяна попробовали на зуб.

Возле дома – настоящего замка с причудливыми башенками и огромными арками – их встретил человек из службы в рабочем комбинезоне. Показал, как добраться до въезда в подземный гараж, открыл ворота. При взгляде на искореженную машину Зорьян помрачнел. Любой сведущий человек или оборотень мог понять – это не последствия аварии. Кто-то заложил в автомобиль взрывное устройство. Скорее всего, при взрыве кто-то пострадал. Почему Домбровский не обращается в полицию, а тишком вывозит автомобиль из гаража? Пытается скрыть преступление?

Подозрение тут же развеялось: очередной представитель службы – уже в белой рубашке и при галстукe – передал Сержуку разрешение на утилизацию, выписанное Следственным Комитетом. Зорьян, приготовившийся выталкивать машину

во двор, к грузовичку, осторожно осмотрелся по сторонам. В гараже было пять автомобилей. Один спорткар – веселый и желтый. Два тяжелых внедорожника – не паркетники, а мощные дизельные вездеходы размером с небольшой автобус, несущие на кабине широкие рампы прожекторов. И два пуленепробиваемых автомобиля представительского класса – модели ручной сборки. Дорого. Богато. Ни на одной из машин нет повреждений. Это не удивительно – разрешение на утилизацию дают после всех возможных экспертиз, не раньше, чем через полгода после возбуждения уголовного дела. Если в гараже и были какие-то следы взрыва, Домбровский давно уже распорядился сделать ремонт и обновил автопарк.

Зорьян и Сержук выкатили взорванный автомобиль во двор. Обслуживающий персонал наблюдал за их действиями, но помощь не предлагал. Пока Сержук суетился, вытаскивая из кузова сходни, Зорьян еще раз огляделся. Маленькая крепость была нашпигована видеокамерами – похоже, здесь просматривались каждая дорожка и уголок. Неудивительно. Вольдемар Домбровский построил торговую империю с нуля. В юные годы взял в аренду магазинчик в соседнем селе, потом второй, третий... Сейчас ему принадлежала сеть магазинов и складов бытовой химии – оказалось, что на продаже стирального порошка и средства для мытья посуды можно заработать миллионы. Наверняка по пути к вершине Домбровский отдал много ног, лап и хвостов – кто-то же не пережил обиду, аж до взрыва автомобиля.

Чужой взгляд Зорьян почувствовал, когда они с Сержук-ком начали заталкивать металлолом в кузов грузовичка. В первый момент на него посмотрели равнодушно, через пару секунд – со щекотным любопытством, а потом внимание отозвалось мурашками на коже, как будто наблюдатель всполошился, счел его опасным. Зорьян удивился гамме чувств – не тому, что кто-то может их испытывать, а собственному восприятию. Обычно он распознавал только опасность, даже заинтересованность не всегда ощущал.

Мурашки не подвели: охранники появились, когда они уже затолкали добычу в кузов. Двое – в костюмах и при галстуках – оттеснили Зорьяна в сторону, приказали: «Пройдемте с нами».

Мелькнула мысль наигранно возмутиться, напомнить, что подобные распоряжения вправе отдавать только полиция. Но тогда бы Сержук мог остаться без вожака металлолома. Да и любопытство сыграло свою роль – сегодняшний день был редкой жемчужиной разнообразия в череде пустых раковин, и Зорьян хотел насладиться всеми ниспосланными Камулом моментами. Он даже руки за спину завел, как будто испугался шокера. Ободряюще кивнул побледневшему Сержуку, пошел к входу, запоминая дорогу. Поначалу ничего интересного не происходило. Его заперли в комнате без мебели с деревянной дверью и металлопластиковым окном. И то, и то не служило серьезной преградой, но Зорьян, решивший досмотреть эту постановку до конца, уселся на пол и

начал гипнотизировать зрачок камеры наблюдения. Гости – вернее, хозяйева – явились примерно через полчаса. Четверо охранников – два оборотня на ногах и два человека – сопровождали лисицу-чернобурку на лапах.

«Нет, не лисица. Висица, – приняхавшись и присмотревшись, определил Зорьян. – Первая жена Вольдемара Домбровского черно-бурая лисица. Вероятно, мне выпало счастье лицезреть наследницу империи. Симпатичная. Уши с рыжей оторочкой. Необычно».

Смоляная висица махнула роскошным хвостом с белой каплей на кончике, ответно приняхалась, зарычала. Обошла Зорьяна по кругу – охранники держали шокеры наизготовку. Запястья коснулся влажный черный нос. Это было щекотно. Зорьян не выдержал и улыбнулся. Похоже, висицу это обидело. Она зарычала громче, с клокочущей волчьей яростью в горле, развернулась, задев хвостом ногу, и вышла вон из комнаты. Стоило двери закрыться, как Зорьян обрел подвижность и приник к ней ухом – пусть наблюдают, зато можно разобрать голоса в коридоре.

Человек-охранник пробасил:

– Вероника, мы не можем держать его взаперти, пока вы раздумываете. Мы уже нарушили закон, удерживаем оборотня против его воли, это квалифицируется как похищение. Если вы его узнали, если это тот нападавший, нужно вызывать полицию. Или срочно выставлять его вон, за границу территории, и молиться Камулу и Хлебодарной, чтобы он не

подал на нас в суд.

Висица промолчала, даже не твякнула, куда-то убежала, цокая когтями по наборному паркету. Зорьян вернулся на насиженный пяточок на полу и мысленно одобрил позицию старшего охранника. Доказать, что его удерживали взаперти, будет довольно трудно. Вряд ли полиция сможет изъять все записи с камер наблюдения – не отдадут, сославшись на технический сбой. Дело даже не дойдет до суда, развалится на уровне следствия. Но, в целом, охранник прав. Сейчас он совершает преступление по указанию чернобурки Вероники. Группой лиц, по сговору... если кто-то из недоброжелателей Вольдемара Домбровского захочет вписаться в эту мутную историю, можно выловить неплохую рыбку.

Зорьян выждал еще час – около часа, по внутренним ощущениям – и сказал камере:

– Понимаю, что вы не собираетесь меня кормить. Решили сэкономить. Но воды-то можно принести? Я пить хочу. Между прочим, пытки запрещены всеми возможными конвенциями. А я даже не военнопленный.

Заявление сработало. Минут через пятнадцать в коридоре раздались шаги. Дверь открылась. В комнату вошли двое охранников. Один с подносом, другой с шокером. Зорьян решил, что его пребывание в гостях затянулось, и использовал первого охранника как щит. Отобрав шокер, он обездвигил охрану рядами, связал галстуками, выпил воды и вышел в коридор, раздумывая, стоит ли разыскивать свои

водительские права, которые кто-то вытащил из кармана и унес. Обыск дома Домбровских мог квалифицироваться как ограбление. Давать повод для обвинений не хотелось, поэтому Зорьян направился к ближайшему окну и выпрыгнул на посыпанную розовым песком дорожку.

Он разделся и попрощался с прекрасными, очень крепкими джинсовыми шортами и удобно растоптанными по ноге кроссовками. И с носками. И с трусами. И с футболкой. Увы и ах, эти замечательные вещи пришлось бросить, потому что в побеге главное – скорость.

Зорьян превратился, стремительно пробежал сквозь парк – да у них тут еще и статуи! – и перешел на волчью рысь. Сотня шагов бега, сотня шагов шага. В таком темпе можно было двигаться днями, покрывая огромные расстояния – если тренировками выработать привычку.

Пересечение внешней ограды далось без труда – он нашел участок с сетчатым забором без колючей проволоки, прыгнул, повис, подтягиваясь на лапах, и перевалился на другую сторону. Дорога домой заняла часа три. Зорьян не торопился, повалялся на майском лугу, пачкая шкуру одуванчиками, наелся свежей зелени – он любил земляничные листья – и почти поймал крота. Прогулка одарила его аппетитом. Дома нашлись консервы и полбулки черствого хлеба. Он слопал две банки лосося в собственном соку, осторожно вылизал жестяную тару, заварил кипятком порцию овсянки с фруктами и съел ее вприкуску с мармеладными дольками. Поду-

мал и поставил вариться кастрюлю картошки в мундирах – на случай, если захочется перекусить перед сном.

Сержук приехал поздно вечером. Выгрузил из кузова велосипед, положил на стол три купюры, придавил их телефоном, который Зорьян оставил в бардачке. Смущенно проговорил:

– Ты больше не приходи. Мне неприятности не нужны.

Зорьян чего-то такого и ожидал, но все равно ощутил укол обиды. Как будто его обменяли на полторы тонны железного лома. И даже не цветного металла.

Он еще раз пробежался перед сном – на лапах, сбрасывая раздражение. Деревня была почти вымершей, свет горел только в трех домах, из одного из них доносились пьяные крики. Все, кто могли, уезжали. Он тоже когда-то уехал – пусть и не по своей воле. Надо бы понять, почему вернулся. Было время, когда он искренне ненавидел и эту деревню, и этот дом.

После прогулки Зорьян наелся картошки и улегся спать перед телевизором. Он подозревал, что завтра утром или днем охрана Домбровского нанесет ему визит – отдаст права, попытается припугнуть или уговорить молчать.

Предчувствия не обманули, воплотились в двойном размере. Явилась не просто охрана на двух джипах, а сама госпожа Вероника Домбровская, на этот раз не на лапах, а в белых одеждах – как лучезарный ангел добра. Первым делом госпожа Домбровская вступила в коровью лепешку, валяв-

шуюся на дороге. Зорьяну стоило больших трудов не расхохотаться, пугая всю округу. Он подавил смех и вышел на крыльцо с каменным лицом – всем своим видом напоминая ангелу Веронике, что та явилась к оскорбленной добродетели. Не было никаких сомнений в том, что госпожа Домбровская уже знает основные вехи его биографии. Имея на руках права с настоящей фамилией, да подключив папины связи, можно многое выяснить.

Вероника не подвела. Вытерла туфельку о траву, подошла к крыльцу, потряхивая аккуратной черной челкой, ожгла янтарным взглядом, вытащила из сумочки права.

– Здравствуйте, офицер Бркович. Я приехала, чтобы вернуть вам документы и принести извинения за вчерашний инцидент. Я приняла вас за оборотня, который месяц назад напал на меня на выходе из ночного клуба. Схожая комплекция, силуэт, движения. Несмотря на тщательное расследование, нападавшего не нашли. Мне показалось, что он явился в дом. Я удивилась и даже немного испугалась.

– Вам нанесли повреждения? – спросил Зорьян, забирая права.

– Он сломал мне руку. Подошел достаточно близко, охрана не успела отреагировать. Мне казалось, что я запомнила его запах. Сейчас я ни в чем не уверена.

– Очень жаль, что следствие не смогло установить личность преступника, – вежливо посочувствовал Зорьян. – Понимаю ваши опасения. Думаю, что нам стоит забыть этот

неприятный инцидент. Я не буду подавать жалобу о похищении.

– Позвольте мне войти.

– У меня не убрано. Извините, не ждал гостей.

Пускать Домбровскую в избу не хотелось. Мало ли, чем обернется пребывание наедине. Волк-альфа и барышня-вищица, огульное обвинение в непристойном поведении... Зорьян в свое время от следователей таких историй наслушался, что шерсть дыбом вставала. С барышней, да еще и дочерью миллионера, лучше держать ухо востро.

– Странно, что вы вернулись в эту развалюху и зарабатываете на жизнь сбором металлолома, – проговорила Вероника и поднялась на одну ступеньку. – С вашим опытом можно было бы устроиться в любую службу безопасности.

– Я не ищу работу, – пожал плечами Зорьян. – Я в отпуске. Не люблю бессмысленные физические нагрузки, а подработка приносила пользу.

– А я хотела предложить вам место в моей охране.

– Нет, госпожа Домбровская. Я не охранник. Я полицейский снайпер.

Пять минут общения показали, что Веронике присущи бесцеремонность и упрямство. Она пропустила мимо ушей прямой отказ и попыталась просочиться в дом. Зорьяну пришлось привалиться к двери, подпирая ее спиной. Похоже, что и второй отказ – относительно работы – Вероника не приняла близко к сердцу. Уставилась на Зорьяна немигаю-

щим янтарным взглядом, словно уже решила, на какой башенке замка усадит его с винтовкой, и сообщила:

– Ты мне подходишь. Я хочу, чтобы ты у меня работал.

– У меня есть постоянное место службы, – терпеливо напомнил Зорьян. – В полицейском отряде специального назначения. Я в отпуске.

– Ты ушел, потому что случайно застрелил заложника. Мне сказали, что ты не собираешься возвращаться. У тебя творческий кризис.

– У меня – что? – нешуточно удивился Зорьян.

– Ой, – Вероника на секунду смутилась. – Психологический кризис. Оговорила.

Зорьян покачал головой. Осторожно, но твердо взял ангела Веронику под локоток, помог спуститься с крыльца и повел к калитке. Та не вырывалась, посматривала, словно опытный домушник на хитрую замочную скважину – эта отмычка не подошла, значит надо попробовать другую. Зорьян вывел наглуемую черную бурку на дорогу, полюбовался на веснушки на аккуратных ушах и пожелал ей счастливого пути.

Трудно было поверить, что Вероника отступится без спора, но это случилось. Захлопали дверцы, взревели моторы. Джипы уехали, распугав кур и овец, чуть не задавив единственную на деревне корову. Зорьян почувствовал легкую досаду: он только-только начал осваивать искусство правильно отказывать миллионершам, а миллионерши закончились. Обидно.

Он выждал полчаса и решил приготовить винегрет. В подполе валялась вялая свекла, на кухне нашлись маринованные огурцы в стеклянной банке и консервированный зеленый горошек. Кастрюля со свеклой быстро закипела. Зорьян убавил газ и услышал жуткий грохот возле входной двери.

На порожке валялся ушат, прежде мирно висевший на гвозде, вбитом в стену. Зорьян окинул взглядом пустой двор и потрогал выщерблину. Сам упал? Гвоздь вывалился из трухлявой древесины?

Мягкий толчок под колено заставил сдвинуться с места. Вероника прошмыгнула в дом, держа в зубах какой-то пакет. Черные уши шевелились, висица быстро и жадно осматривалась.

– Тут нет ничего интересного, – сказал Зорьян, увидевший в пакете свои шорты и кроссовки. – Оставь, что принесла, и уходи.

Он не надеялся, что висица послушается. Так оно и вышло. Вероника бросила пакет, залезла под лавку, пачкая смоляную шерсть в пыль, выкатила оттуда заплесневевшую морковь, понюхала и громко чихнула.

– Возьму за шиворот и выкину.

Угроза не возымела действия. Висица вильнула хвостом и отправилась обследовать комнату с телевизором – тщательно обнюхала диван, плетеный половик и стул со стопкой чистых трусов и футболок. Зорьян понял, что нахалку пора ставить на место. Снял и бросил на табуретку домашние вещи,

встал на лапы и зарычал. Висица не испугалась. Подбежала, заметалась вокруг, сунулась носом в ухо, бесцеремонно полезла под брюхо, оценивая комплект половых органов. Зорьян впервые растерялся и сел на задницу, отпихивая прилипалу плечом. Висица отошла на шаг и тут же ударила лапой по заплесневелой морковке – подкатила, предлагая вместе поиграть. Простой план – напугать наглую гостью и выгнать вон – затрещал по швам. Висица излучала добродушие и готовность дружить. Зорьян не мог на нее кинуться, нарушая собственные принципы. Он никого не обижал без причины. И не дрался с дамами.

Пришлось выносить морковку во двор. Висица обрадовалась, побежала следом, попутно юркнула в сарай и порылась во всех углах. Волк довольно долго гонялся за морковкой, которую у него утаскивали из-под носа, а потом улучил момент, вбежал в избу, превратился и захлопнул дверь прямо перед черно-бурой мордой. Жалобный вой его ни капли не растрогал – свекла еще варилась, а на второй конфорке нашлось место для картошки. Висица некоторое время скреблась в дверь, а потом шуршание и нытье прекратилось.

На улицу Зорьян осмелился выйти только в темноте. Обуваясь, он обнаружил в кроссовке визитную карточку. Внимательно изучил три слова «Вероника Домбровская, искусствовед», запомнил номер телефона и положил белый кусочек картона на стол.

Хруст гравия под подошвами перемешивался с пьяными

криками. Зорьян шел, пригнувшись, отмечая: тут стояли джипы. Тут Вероника перекинулась, становясь на лапы – пятточок травы был истоптан, пропитан двойным запахом. Свежих следов не было, никто не сидел в засаде. Перед ним открылся свободный путь. По иронии судьбы – в тупик. Дорога вела на холм, к линии электропередач, да там и заканчивалась. Спуститься на другую сторону можно было по тропке, продираясь сквозь заросли ежевичных кустов, но делать этого не хотелось. Зорьян поднялся к стальной опоре, увешанной изоляторами и пучками проводов. Постоял, глядя на редкие проблески огней, прислушался к себе и понял, почему вернулся в эту хмельную глушь. Когда-то его забрали отсюда насильно, увезли в спецприемник. Это оказалось благом: он смог выучиться, поступить на службу с достойной зарплатой, по мере сил защищать закон и порядок. Пятнадцать лет назад выбор сделали за него. Сейчас Зорьян решил уехать из родной деревни добровольно.

Он впервые почувствовал себя хозяином своей судьбы. Нет, он не собирался возвращаться на то же самое место службы. Ошибка, выстрел в заложника, была итогом стечения неблагоприятных обстоятельств. Дело расследовали, вердикт подтвердила комиссия, Зорьяна признали невиновным. Разрешили уйти в длительный отпуск – по рекомендации психолога. Пообещали в случае необходимости направить на переподготовку.

«Кажется, творческий кризис закончился – спасибо Ве-

ронике за формулировку. Позвоню командиру, спрошу, что нужно для переаттестации. Если позволят – побегаю бойцом. Позвоню не завтра, а через пару дней. Нужно убедить-ся, что я принял правильное решение».

Перед сном волк забеспокоился. Тщательно обнюхал комнату, плетеный коврик, на котором осталась шерсть Вероники. Запах волку нравился, и он попытался подтолкнуть Зорьяна к более близкому знакомству – продолжить игры с морковкой, возможно, и со свеклой, а там, глядишь, дело и до совместного винегрета дойдет.

Вероятно, возвращение интереса к противоположному полу свидетельствовало об исцелении и души, и тела – в творческом кризисе желание знакомиться и ухаживать за дамами пропало. Зорьян игры с морковкой приветствовал, но не с Вероникой, и твердо сказал: «Нет». Волк обиделся – не понимал, почему нельзя принимать в доме веселую и игривую висицу. Зорьян навязал ему свою волю и отправился спать в сарай – подальше от хорошо пахнущего плетеного коврика.

Утро принесло неприятный сюрприз. Зорьян проспал появление Вероники. Ангел добра в белых одеждах тихонько сидела на сене и почему-то очень сильно пахла пшеничной мукой. Волк встал на лапы и чихнул.

– Я приехала приготовить тебе завтрак, – с кротким выражением лица сообщила Вероника. – Пока не закончила. Если хочешь – поспи еще немножко.

После такого предложения Зорьян опрометью кинулся в избу. Завтрак? Не закончила?

Кухня выглядела удручающе. Стол и половицы были засыпаны мукой, местами, во влажных лужах, засыхало тесто. На табуретке лежали скорлупки от четырех яиц. Зорьян отступил за порог, прошел в комнату, превратился и вернулся в кухню уже на ногах, натягивая спортивные штаны. На столе лежало подобие сырого каравая – в обрамлении скалки, ложки и пустого стакана.

– Что это?

– Это будет пирог, – сияя от гордости, сказала Вероника. – Я насыпала побольше сахара. В кулинарной книге написано, что в рационе альфы должно быть много углеводов. Я добавила в тесто два стакана.

– А где ты взяла сахар? – Зорьян уже опознал муку, которую он держал про запас, для лепешек. И яйца, предназначенные для утреннего омлета.

– Вон в том мешке.

– Это соль. У меня нет кристаллического сахара. Я только кусковой ем.

– Что значит – соль? – возмутилась Вероника. – Ты что, все испортил?

Зорьян понял, что этот балаган пора заканчивать. Он достал из кухонного шкафчика маленькое пластмассовое ведерко – привет из детства – и вынул из него сотовый телефон. Не ту потертую кнопочную трубку, которую ему вер-

нул Сержук, а новенькую модель в стальном корпусе с сенсорным экраном. Служебный телефон, два месяца провалявшийся без подзарядки. После подключения к розетке засветился значок наполняющейся батареи. Минут через десять можно будет написать сообщение командиру. Осталось решить, заберет ли он что-то с собой.

– Хочешь сказать, что теперь только выкидывать?

Вероника ловко перешла от обвинений к раскаянию – вернулась напускная кротость, взгляд стал почти умоляющим. Зорьян напомнил себе, что общение продлится не больше получаса, с деланным сожалением ответил:

– Похоже, да. Выпечка из этого не получится. Жаль, что ты потратила столько сил зря. В принципе, из этого теста можно что-нибудь слепить.

– Из теста? Как из глины?

– Да, – Зорьян прошел в комнату, взял с полки открытку с котиком. – Потом положить сушиться, и оно станет твердым. Даже раскрасить можно. Я так в детстве делал.

– Ты лепил? – Вероника засветилась любопытством.

– Да. Мне нравилось.

– А почему не из пластилина?

– Не покупали.

– Извини.

– Ты-то тут причем?

– Я была бестактна, – проговаривая это почти-извинение Вероника ухитрилась подойти к нему вплотную и прижать-

ся. – А вообще, предложение интересное. Я согласна. Давай полепим. Чур, я буду лепить змею.

– А я – червяка, – отступая в сторону, парировал Зорьян. – Только сначала позвоню. Очень надо. Еще вчера надо было позвонить.

Вероника встала на пороге, перекрывая ему выход из комнаты, внимательно посмотрела на открытку:

– Конечно. Я же тебе не мешаю?

– Нет-нет.

– Замечательно. У тебя красивое имя. Если ты не против, я буду называть тебя Зорька. Это так нежно звучит. Зорька моя...

Если Вероника хотела его как-то уязвить, то промахнулась: снайпер Зорьян Бркович откликнулся на позывной «Заря» и одергивал только тех, кто пытался именовать его «Розой».

Он кивнул и попытался выйти – в кухню, к заряжающемуся телефону. Вероника перегородила дорогу, упираясь рукой в дверной косяк:

– Вижу, что ты собираешься уйти. Понимаю, что мои охранники не смогут тебя остановить – даже если я отдам им такой приказ. Как мне тебя удержать?

– Никак.

Вероника задумалась, нахмурилась. Смоляные брови сдвинулись, янтарные глаза потемнели. Зорьян посмотрел на усыпанный веснушками подбородок – у висицы на нижней

челюсти пробивались пятнышки рыжей шерсти – и признал, что Вероника весьма и весьма симпатична. Наверное, даже красива. Правильные черты лица, яркие и резкие краски, добавляющие облику экзотичность. Вокруг такой барышни волки и лисы стаей должны крутиться – даже без папиного наследства. Судя по всему, мужа или любовника у Вероники нет. Привередливая? Или женихи не подходят ко двору, увенчанному башенками и припахивающему бытовой химией? Папа-Домбровский устраивает кандидатам экзамены на сообразительность и с позором выгоняет вон? Веронике лет двадцать пять, энергия бьет ключом. Сомнительно, что отсутствие ухажера под боком связано с проблемами здоровья. Хотя, всяко бывает.

– Я подняла подшивки старых газет. Мне очень жаль, что твой отец...

Вот теперь Зорьян разозлился. Понимал, что накатило на пустом месте – странно было бы, если бы Вероника не ознакомилась с историей, в свое время прогремевшей на весь район. Он давно уже привык не реагировать на шепотки за спиной и попытки выразить сочувствие. А сегодня вдруг взбесило.

Вероника была слишком чистенькой, обитавшей в замке с башенками – папаша Домбровский сумел прогнуть деревенскую реальность, пропитанную навозом и волчегодной бражкой. Зорьян не нуждался в жалости, выплеснувшейся через окошко райского мирка.

– Избавь меня от оценочных суждений, – сухо сказал он. – В моей биографии нет ничего удивительного. В деревнях все бухают, если ты вдруг не знала.

– Дурой меня не выставляй, – Вероника помрачнела, отступила, освобождая дорогу. – Я здешняя. Отец с хутора, мать – из деревни в пятидесяти километрах от райцентра. Я знаю, как здесь бухают. Мой отец – трезвенник, которого в музее показывать можно. А почти всю родню по лисьей линии бражка в могилу свела. Мать допилась до потери памяти, когда мне было четырнадцать. Она выгоняла из дома то меня, то отца, являлась в гимназию, требовала, чтобы ей отдали дочку-первоклассницу. Вызывала полицию. Дралась. Писала жалобы в прокуратуру. В общем, после развода я осталась с отцом. И уже десять лет срываюсь с любого места по звонку врача – есть периоды, когда мать понимает, что к ней приехала я, поддается на уговоры и ложится в клинику добровольно.

Злость исчезла, словно Зорьяна окатили ведром ледяной воды. Он чувствовал, что Вероника не врет. Восприятие снова обострилось – как во дворе замка, возле грузовичка. Происходило что-то странное. Нить волчьей заинтересованности обвила бусину доверия, которую Вероника поднесла на открытой ладони – в знак мира. Из этой основы могло сплестись что угодно: ловец снов, абажур для семейной спальни или даже колыбель для волчат. А могла получиться крепкая удавка, которую Вероника затянет на его шее и рассмеется.

Зорьян прошел в кухню, выдернул из розетки зарядное устройство, подхватывая повисший на проводе телефон. Подгнившие ступеньки крыльца закрипели под ногами. Страх оказаться на поводке гнал прочь. Нить заинтересованности приказывала вернуться. Хватило бы оклика – Зорьян бы просто не смог выйти за калитку.

Знала ли об этом Вероника? Чувствовала ли свою власть над волком? Может быть, и знала. Но не удосужилась подать голос.

Глава 2. Мохито

В зале висела тяжелая духота – яркое солнце разогрело помещение, система кондиционирования была выключена, никто не решался открыть окна. Поскрипывали ряды откидных кресел. Обратни расселись группами. Волки сидели с волками, лисы – с лисами. Медведь и вис рассредоточились по галерке. Мохито, чуть не опоздавший к началу общего собрания, занял место неподалеку от двери, на одном ряду с медведем. Успел впритык – седой волк в генеральском мундире уже поднимался на трибуну.

Поначалу речь шла об общем положении дел и предназначении только что сформированного отряда. Собравшиеся в зале прошли специальный курс подготовки и отборочные испытания, а вчера нашли свои фамилии в приказе о зачислении. Мохито доложил Деметриушу о перемене места службы, а тот сообщил об этом всему отряду, собравшемуся на построение. Бывшие сослуживцы отреагировали бурей негодования, требовали, чтобы Мохито перестал валять дурака и вернулся «в семью». Это было неожиданно – думал, что проводят равнодушными взглядами, втайне радуясь, что избавились от подорвавшегося сапера. А вышло совсем по-другому – Мохито долго оправдывался, после чего ему пришлось дважды нарушить правила движения, чтобы успеть на первый сбор.

– Вы знаете, что наша цель – формирование специального подразделения, подчиняющегося непосредственно Управлению по контролю за оборотом наркотиков. Решение было принято на высшем уровне. Существующие отряды специального назначения оказывают оперативную и силовую поддержку и нашим коллегам из уголовного розыска, и сотрудникам управления экономической безопасности, и выходят на усиленное патрулирование в праздничные дни. Назрела необходимость снять с них часть нагрузки. Для этого и был объявлен набор в новый отряд. Мы предъявили к кандидатам высокие требования. Вы достойно прошли испытания и готовы стать ядром спецназа наркоконтроля.

Мохито прикрыл глаза. Месяц спецкурса заставил позабыть о ревности и одиночестве. Бойцы тренировались под руководством опытных войсковых инструкторов, проходили специальные штурмовые полосы, достигая макета фортификационного сооружения. Пришлось освежить навыки метания гранат на точность, скрытного передвижения и рукопашного боя. Ошибка могла стоить жизни – на занятиях инструкторы стреляли вверх боевыми патронами, пока обучаемые переползали по-пластунски и отрабатывали рывки по пересеченной местности с грузом.

Ему повезло – не зацепило, не проявил небрежности, справился с нагрузками. Добился своего. Вывернул из накатанной колеи, не теряя Шольта и Йошу, но избавляясь от необходимости ежедневно проходить мимо окон Ханны.

Генерал долго рассказывал об экипировке и спецтехнике, которую передадут отряду. Мохито слушал речь, не вникая – половину все равно не довезут, а половиной будет невозможно пользоваться из-за неудобств. Будущие сослуживцы явно разделяли его мнение – дружно дремали, кто-то из волков даже всхрапнул.

– Указом Министерства Внутренних Дел определено место базирования нового отряда. Произведено расконсервирование воинской части номер семьсот пятьдесят шесть дробь два на улице Тенистой три.

Мохито не удержался, зевнул. Пока что он не услышал ничего нового – Анджей с Деметриушом сообщили ему этот адрес еще до подписания указа министром. Гораздо сильнее его интересовало состояние строений в части. Консервировали и открывали ее раз шесть – изначально построили в дни войн с Огненным сопротивлением, потом сократили за ненадобностью, военнслужащих распределили по другим частям. Открывали и закрывали. Из-за плачевного состояния. Там даже бетонный забор давно обветшал, а что произошло с неотапливаемыми домами – один Камул знает, но Хлебодарной не рассказывает, чтобы не напугать.

«Неужели прикажут заселяться в руины?»

Опасение сбылось середина наполовину. Дома капитально подремонтировали – сменили проводку и водопроводные трубы. Подготовили оконные рамы и стены под покраску, после чего финансирование на этот календарный год закончи-

лось. Холостякам предложили переезжать, семейным пообещали выделить квартиры в близлежащем жилом районе. Генерал подсластил пилюлю: заверил, что министерство компенсирует затраты на косметический ремонт тем, кто сделает его своими силами. Остальные могли жить, не обращая внимания на зашпаклеванные стены и рваный линолеум, либо снимать квартиру в радиусе пятисот метров от части – по нормативам сбора быстрого реагирования. Продолжение ремонта за казенный счет планировалось в следующем году.

Завершая речь, генерал напомнил, что свобода вероисповедания закреплена в Конституции страны, что согласно закону военнослужащим обеспечивается беспрепятственный доступ в храмы, и поэтому на территории части имеются алтари Камула и Хлебодарной.

На этом собрание закончилось. Командир отряда полковник Светозар Ковальский сообщил личному составу, что автобус подадут через полчаса.

– Кто не желает ожидать транспорт на улице, может добираться до части своим ходом. Заблудитесь или опоздаете – сразу кладите заявление на стол. Так! Кто наплевал на полшелуху от семечек?

– Это не мы! – заявил один из волков, сидевших в первом ряду.

– Живо бери веник и подметай. Заодно время до автобуса скоротаешь.

Мохито заторопился, избегая начальственного гнева: под

сиденье соседнего стула кто-то накидал кучу карамельных оберток – явно не вчера, уже выцвести успели. Но Светозар явно был не склонен выслушивать оправдания. Лучше потихоньку слинять.

Покидая зал, он столкнулся со вторым медведем-оборотнем. Черный барибал не проявил агрессии – кивнул, прошел к лестнице. Это порадовало. Иногда неприязнь возникала с первой встречи, и медведи начинали делить территорию, повинуюсь инстинктам. В дни обучения Мохито и барибал тренировались в разных группах, и только сегодня встретились лицом к лицу. Оборотень уступал ему размером – Мохито был крупнее – и, похоже, был женат или помолвлен. К шлейфу запаха альфы примешивалась нотка медведицы и сладкой домашней выпечки.

Спускаясь по лестнице и глядя медведю в спину, Мохито думал, что сделал правильный выбор. Кто-то из богов – Феофан-Рыбник или Камул – одарили его капелькой везения, необходимой на новом месте службы. Барибалы считались относительно добродушными, уживались с сородичами и славились любовью к вегетарианской кухне. А с гризли или кадьяком попробуй, разойдись мирно – ни устав, ни служебные обязанности не помогут.

Выйдя из здания, Мохито направился к машине. Припарковался почти на газоне, недалеко от главного входа, надо было побыстрее убирать и удирать, пока какому-нибудь начальству на глаза не попался. Он вынул ключи из кармана

и чуть не взвился от прикосновения к локтю – неожиданно. Обычно его никто не трогал. Боялись.

– Извините, – волк не отступил, только чуть наклонил голову. – Подскажите, пожалуйста, какой адрес у нашей части? Я не запомнил название улицы. Хочу вызвать такси, но не знаю, куда.

– Улица Тенистая. Три. Если надо – подвезу, – вежливо предложил Мохито. – Все равно туда еду.

– Спасибо. Меня зовут Зорьян.

– Тимофей.

Они пожали друг другу руки. Волк вызывал симпатию: сильный, излучавший спокойное добродушие, обычно приписывающееся медведям – один Феофан знает, почему люди такие сказки придумывают. Темно-русые волосы, умные темные глаза, приятная внешность. Запах армейской казармы, в которой разместили кандидатов в отряд из других городов.

По дороге разговорились и тут же нашли десяток общих знакомых. Зорьян пять лет прослужил в столичном полицейском спецназе, пришел туда уже после подрыва Мохито. Историю эту знал, пересказывать не пришлось. Обошелся без показного сочувствия, вопросы задавал только по делу: есть ли в городе рыбный рынок, можно ли летом купаться в реке, чем так хороша местная картошка, что за нее просят двойную цену против привозной? Мохито честно сказал, что местная белая картошка поганая, брать надо розовую,

которую выращивают в соседнем воеводстве. И пообещал показать Зорьяну овощехранилище на границе между воеводствами, где можно запастись двадцатикилограммовыми мешками по приемлемой цене.

За приятной беседой добрались до улицы Тенистой. Зорьян посмотрел на холм, по которому змеился забор, огораживающий вершину, на прилепившийся к склону дом-развалюха, окруженный травой и одуванчиками, зеленые ветви деревьев, яркие пятна кустарников и сказал:

– Забавно. Больше на санаторий похоже.

– Парадный вход вон там, – Мохито указал на ступени, карабкавшиеся на холм. – Видишь? Где елки, газон и два фонтана. Но он закрыт, потому что здание ветхое. Основной въезд с Тенистой, запасной – с Восточного переулка. Туда же подходит железнодорожная колея для транспортировки техники с вокзала.

– Ты тут бывал?

– Да. Наш полковник осматривал эту часть, когда в отряд добавили дополнительные подразделения. Подумывали о перебазировании – площадь больше, ближе к спорткомплексу. А потом все планы полетели Хлебодарной под метлу, потому что армия отказалась передавать часть на баланс МВД.

– Значит, сейчас дожали, – Зорьян продолжал обшаривать взглядом пейзаж. – А что это за дом? Почти вплитирку к забору стоит. Никому не жмет нарушение секретности?

– Жмет, но сделать ничего не могут, – усмехнулся Мохи-

то. – Когда строили часть, кто-то проморгал тот факт, что маленький кусочек холма принадлежит медвежьему семейству. Представь, как все были удивлены внезапным появлением рабочих и стройкой – пещерники решили переселить сюда младшего сына. Армейское начальство попыталось выкупить участок. Медведи подумали и заломили цену, как за небоскреб. Министерство обороны начало с ними судиться. Это тянулось лет двадцать. За это время медведи успели построить дом, младший сын здесь пожил, обзавелся тремя детьми и переехал куда-то в деревню, чтобы не тесниться. Как ты видишь, дом построен из навоза и палок, уже успел обветшать, но стоит по-прежнему как небоскреб – цена не снижается, только растет. Не знаю, что теперь будет. МВД тоже не станет выбрасывать деньги на ветер, чтобы купить эту развалюху. Наверное, решили, что пока тут никто не живет, проблемы не существует. А если кто-то заселится, тогда и начнут думать. Пойдем внутрь? Мне интересно посмотреть на состояние квартир. Надо прикинуть, что покупать для ремонта.

– О! – сказал Зорьян. – Упаду тебе на хвост. Покажешь, где тут продают линолеум и обои.

– Договорились.

На КПП скучал солдат-срочник, пустивший их на территорию после предъявления временных пропусков. Они прошли по растрескавшемуся плацу – асфальт требовал: «Обновите меня немедленно». Осмотрели отремонтированную

столовую, заглянули в мастерские и ангары, свернули влево, на дорожку, которая должна была вывести к жилым домам, и вышли прямо к статуе Камула. Бог войны и охоты сидел на постаменте, свесив одну ногу к асфальту, обнимая подтянутое к груди колено. Вторая рука гладила привалившегося к боку здоровенного волка. Чаша для подношений была заполнена сухими листьями, Камул выглядел расстроенным и неуловимо домашним, словно тосковал без хорошей компании и выпечки с соседнего алтаря. Хлебодарная пряталась среди колючих веток акации, которые надо было обрезать. Покровительница волчиц и лисиц держала в сложенных ковшиком ладонях горсть печений «ушек». На коленях лежала короткая метла, в чаше хрустели точно такие же листья, как у Камула. С навеса, поддерживавшегося бетонными столбами, свисали виноградные лозы, пытавшиеся обнять гипсово-пшеничный сноп.

От статуй и чаш, объединенных общим навесом, расходились две дорожки. Одна, покороче – к маленькому ангару с табличкой «Осторожно, опасная зона!». Вторая – к жилому сектору. Вокруг старомодных двухэтажных строений с эркерами росли деревья, по стенам ползли зеленые стебли лиан. Мохито и Зорьян спугнули стайку птиц, прошли до последнего дома, поднялись на второй этаж и осмотрелись.

– Я хочу эту квартиру, – заявил Зорьян. – Скажу командиру, что я ее застолбил. Она в тупике, возле деревьев. Это черешня? Она уже краснеет.

– Да, – подтвердил Мохито. – Скоро можно будет есть. А рядом шелковица, абрикос и слива.

– Абрикос! – обрадовался Зорьян. – Я люблю пить кофе на балконе. Поставлю столик, открою рамы. Буду закусывать сначала черешней, а потом абрикосами прямо с дерева. Камул милостивый, как тут хорошо. И тихо. Смотри, внизу лавочка! И сушилка для белья. А ты на каком этаже будешь жить?

– Я тоже на втором, – выбрал Мохито. – В соседнем доме, рядом с тобой. Абрикос пополам.

– Будем ходить друг к другу в гости, – постановил Зорьян. – И лузгать семечки на лавочке. Отлично. Выбрали, что нравится. Никакие претензии от сослуживцев принимать не собираюсь. Кто не успел – тот опоздал. Давай прикинем, что нужно для ремонта.

– Надо принести ручку и бумагу. Где-то в бардачке была рулетка.

– Розетки болтаются.

– Розетки я подтяну, – пообещал Мохито. – Это не проблема. Я никогда в жизни не красил окна. Это меня больше смущает.

– Я красил. И обои наклеить могу.

– А линолеум мы с Шольтом меняли. Не так уж и плохо получилось.

– Отлично! Линолеум положить лучше, чем пол красить. Они вернулись к машине, отыскали рулетку и блокнот,

уже с добычей пришли к домам и воткнули бумажки с надписями под обивку дверей приглянувшихся квартир.

Зорьян нацарапал позывной «Заря», посмотрел на слово «Мохито», выслушал объяснение:

– Тимофей, Тимоха. От Тимоха – Мохито.

– Круто. А я – Заря. Не люблю, если Розой обзывают, могу по ушам надавать.

Мохито постарался скрыть улыбку. Недовольство Зорьяна понятно. Мохито знал, что подполковника Розальского за спиной называли «Розочкой». Но никогда не слышал, чтобы кто-то осмелился произнести это в лицо.

К домам, гомоня, подошла группа холостых бойцов, доставленных казенным автобусом. За ними, с любопытством оглядываясь по сторонам, шел барибал. Увидев Мохито и Зорьяна, он помахал рукой, крикнул:

– Мужики! Чаши бы почистить надо. Я скрутки взял, а поджигать страшно. Есть пакет какой-нибудь, чтобы мусор собрать?

– Я принесу, – пообещал Мохито.

– А я пока выгребу, – встрепенулся Зорьян. – Действительно, нехорошо получилось. Не квартирой единой, как говорится.

Они занялись уборкой, прислушиваясь к обсуждению жилищных условий: большинство альф-холостяков пришло в недоумение при виде эркеров – «лучше бы нормальные балконы сделали»; не пожелало заниматься ремонтом – «мы не

нанимались кисточкой махать»; а плодовые деревья обозвало источником мусора. Барибал Цветан, слушая эти вопли и негодование, тихо хмыкал, Зорьян, отыскавший оставшиеся от строителей ведро и тряпку, протирает статуи, а Мохи-то уминал сухие листья в пакеты и тихо радовался, что они будут жить почти без соседей – только какой-то лис выбрал себе квартиру в самом первом доме, на первом этаже.

– Здесь хорошо, – проговорил Цветан, когда возмущенно гомонящая толпа умчалась прочь. – Был бы я один – не о чем раздумывать. Но у меня супруга в тяжести и маленький сын. Мы сняли дом еще месяц назад, когда я приехал на спецкурс. Начальство шепнуло, что отряд расквартируют в Ключевых Водах, и я искал жилье, в котором можно будет остаться, если меня зачислят. Попался удачный вариант: крепкий дом для медведицы с детьми и времянка для альфы. Мы живем почти как бурые пещерники, медведица с детьми на зиму уходит в спячку. Дом с временкой подошел нам на все сто. Жена довольна, мелкий играет во дворе. Для полного счастья только электродуховку купить надо, жена говорит, что в газовой духовке пироги пригорают. Вы едите сдобу?

– Я все ем.

– Я тоже, – отозвался Зорьян. – Хлебодарная миловала, поперек горла ничего не встает. Творожное люблю. Хоть пироги с творогом, хоть вареники

– Принесу ватрушки, – пообещал Цветан. – Жена иногда ватрушки печет, попрошу сделать.

– Ватрушки обожаю, – признался Мохито. – У нас в кафе-террии рядом с общагой по четвергам ватрушки бывают. Если успеваю – забираю целую коробку. Я их в сгущенку макаю. Да и без сгущенки – хоть на завтрак, обед и ужин.

Под неспешный разговор и обсуждение выпечки они выдраили обе статуи. Скрутки затлели, разогревая чаши. Цветан отступил на пару шагов, поклонился сначала Хлебодарной, затем Камулу. Мохито и Зорьян – наоборот. Волк-то понятно почему, а Мохито и этим отличался от сородичей. Медведи обычно приносили к алтарю Хлебодарной кусочек сотового меда, чтобы липкая сладость растеклась по дну чаши. Считалось, что медовая дань вернется толстым слоем осеннего жира и подарит спокойный сытый сон. Мохито, как и большинство городских медведей, живших бок о бок с людьми, лисами и волками, в спячку не впадал. Не он один – многие без зимнего сна обходились. Работали на заводах и фабриках, магазины держали, некоторые спортом занимались – медвежья сборная получала охапки медалей на Олимпиадах. Это не мешало им просить заступничества у Хлебодарной, отодвигая волчьего бога охоты на второй план. А Мохито со времен военного училища привык сжигать перед статуей Камула стружку вяленого мяса, переплетенную с травами, а о медовом подношении попросту забывал. И время выделить никогда не получалось: два летних медвежьих праздника совпадали с неделей Преломления Хлеба, в эти дни загрузка по службе была такая, что не до меда и пря-

ников – выспаться бы, чтобы руки не дрожали. А пещерные сородичи этого то ли не понимали, то ли демонстративно не хотели понимать. И когда он впервые попытался познакомиться с медведицей, альфы из городской общины сообщили ему, что никто из порядочных пещерниц не будет якшаться с полицейским-безбожником, и если он еще раз запятнает чью-то честь разговором, его так отделают, что в закрытом гробу хоронить придется.

Была бы дальняя родня, замолвившая словечко, может быть, как-то и удалось влиться в городскую общину. Но Мохито и в этом не повезло. Его мать была короткомордой гризли, сезонной работницей на лососевых промыслах. Почему она ушла из общины, порвала все связи с семьей – Мохито было неизвестно. Отец, белый медведь, возле жены долго не задержался. Кем он работал, почему прожил пять лет в портовом городишке, а потом исчез, осталось тайной, покрытой мраком. От матери Мохито досталась бурая шерсть, от отца – любовь к рыбе, холодному душу и умеренная потребность в спячке.

Один из пещерных старейшин, встретившись с Мохито на улице, произнес слово «гролар», будто припечатал ругательством. Так и не удалось понять, что вызвало большую неприязнь: то, что метис? То, что наполовину гризли? Или то, что наполовину полар?

Мохито с таким отношением не сталкивался ни в военном училище, куда уехал поступать сразу после окончания

школы, ни в столице – там никто не обращал внимания на его происхождение. А здешние оборотни, с которыми Мохито не поладил из-за безбожия и служебного положения, всех своих близких и дальних родственников знали наперечет, барибалов едва терпели, а гризли и кадьяков считали исчадиями Камула. Сами они вели род от пещерных медведей, предпочитавших горы лесным берлогам. Со временем расселились по равнинам и долинам, строили хутора с огромными дворами и отдельными домами для медведя и медведицы с медвежатами. Сельские общины лелеяли сады и поля, занимались консервированием фруктов, пчеловодством и производством разнообразных ликеров и настоек, не допускали чужаков даже во дворы – а в дом только по прокурорскому ордеру. Мохито мог бы просватать пещерницу только в одном случае – если бы начал доносить медоварам о спецоперациях. Да и то лет десять пришлось бы унижаться и наущничать, а в итоге могли бы скрутить шиш.

Вдоволь наговорившись с Цветаном, Мохито понял, как ему не хватало мирного общения с другим медведем. Словно в детство вернулся, когда рядом не было ни одного лиса: медведи, люди, да десятков волков на весь городок. И он, и Зорьян получили приглашение на обед, и это отозвалось теплой радостью. Ему хотелось посмотреть на медвежонка. К Йоше он привык, всегда присматривал за ним на прогулках, решал математику, кормил супом, наверное, любил – Мохито затруднялся определить, что такое любовь. Но сейчас как

озарение случилось: волчонок – это волчонок. А маленький медведь – это же чудо!

Цветан уехал, записав им с Зорьяном свой номер телефона. Волк приглашению на обед обрадовался, особенно когда узнал, что в меню будет мясо с овощами.

– Люблю баклажаны! Я и кабачки люблю. И винегрет себе часто делаю.

– Винегрет – это сложно, – честно сказал Мохито.

– Ничего сложного! Сделаем ремонты – буду готовить. В столовке только днем еду дают, а я привык по ночам в холодильник нырять.

Они побродили по части, выяснили у командира, что личный состав на ближайшие три дня получит отпуск, а территория будет открыта для желающих завезти стройматериалы.

– Отлично! – Зорьян растерял спокойствие и потащил Мохито в ближайшее кафе. – За три дня можно многое успеть! Давай подсчитаем, сколько нам надо обоев, сколько краски и сколько линолеума. Потом поедем и купим мне машину. А потом – на строительный рынок. Ты же съездишь со мной покупать машину?

Мохито закружил водоворот новых дел и новых знакомств. Он только один раз забежал в кафетерий Ханны – вместе с Зорьяном. Йонаш, узнавший о переводе и переезде, сильно расстроился. Как его ни утешали, как ни обещали, что после ремонта он сможет приходить в гости, и даже оставаться ночевать – ничего не помогало.

Времени на посиделки в кафетерии не было: краска на окнах плохо сохла и жутко воняла, в квартире Зорьяна отвалились два листа обоев, командир велел принять бронированные костюмы для разминирования, а количество нагрудников не совпадало с числом в сопроводительных документах. Остались в прошлом скучные одинокие вечера, когда Мохито запирался в общаге и старался не завидовать счастью Ханны и Шольта. Зорьян помог поклеить обои лису Христофору, полосы наутро упали все до единой, и Мохито пришлось счищать с обоев куски шпаклевки и клеить заново – почему-то именно ему, под волчьи и лисьи поучения. Как только обои во всех квартирах присохли, во второй дом въехал волк Живомир, который вечером ухитрился включить микроволновку в плохо закрепленную розетку, устроить маленький пожар и обесточить все жилые помещения. Жизнь кипела и норвила обварить брызгами.

В очередной выходной они с Зорьяном распахнули окна в двух квартирах, надеясь окончательно изгнать запах краски, и отправились на обед к Цветану. Принесли с собой ведро черешни, килограмм апельсинового мороженого и связку воздушных шариков для медвежонка. Нелли, супруга Цветана, приветствовала и их, и черешню с искренним радушием. Сразу же выставила на стол кастрюлю молочного киселя и огромную миску ватрушек, и велела все это есть, пока в духовке готовится мясо с баклажанами. Мохито при виде округленного живота Нелли оробел, а мелкого Стояна, бе-

гающего на лапах, боялся придавить: серо-белый пушистик путался под ногами у гостей и родителей, карабкался на стулья, пытаясь стянуть ватрушку, падал, получал мягкий шлепок под зад и тут же начинал новый круг бесконечной карусели. Дело закончилось тем, что он влез на колени Мохито и решительно откусил кусок ватрушки из руки. Когти царапали ноги, медвежонок чавкал, ронял крошки, топтался, сопел, а Мохито сидел, как окаменевший.

Мысли метались как пчелы, пытающиеся донести до улья аконитовый мед. Стало ясно, что возня с чужими волчатами никогда не заменит собственного медвежонка. Мохито смирился с отсутствием личной жизни, изредка занимался рукоблудием под душем или в ванной – с Шольтом и Йошей под боком сложно было позволять себе постоянные шалости. А потом, вроде, и один жить начал, но почему-то чаще шалить не получалось. С этим-то можно было побороться, но, сколько себя под душем ни ласкай, медвежат от этого не прибавится. Что делать? Не прослужив и двух недель, увольняться из нового отряда и переезжать в столицу? Место найдется, куда-нибудь да возьмут. Главный вопрос – что изменится? Нельзя сказать, что в столице по улицам разгуливали медведицы, желающие с кем-нибудь познакомиться. Несколько общин на окраинах относились к чужакам мягче, чем здесь, на юге – главный город страны уравнивал приезжих, бросая в один котел. Проблема была в том, что в столице процветали те же грешки, что и тут: торговля ядерной медовухой,

сдобренной химией, плюс расфасовка и продажа «пыли». К полицейским относились настороженно и не рвались принимать в семью.

«Уехать на север, поискать медведицу-гризли? Прожить три-четыре года, перебиваясь случайными заработками, в дни Преломления Хлеба относить сотовый мед к алтарю, пытаться выловить в сладком мареве запах той, единственной, которая согласится выносить моего медвежонка?»

– С тобой все в порядке?

Зорьян выглядел обеспокоенным. Цветан и Нелли смотрели на Мохито с немым вопросом. Стоян доел ватрушку, прыгнул на пол и решил закусить выпечку черешней – прямо из ведра.

– Задумался, – чувствуя, как начинают пылать щеки, ответил Мохито. – Не помню, выключил ли чайник.

– Выключил, – кивнул Зорьян. – Я перед выходом проверил.

И ведь прекрасно знал, что Мохито чайник не ставил. Зато Нелли с Цветаном успокоились.

Обед удался. Вкуснейшего мяса с баклажанами не только хватило на всех, чтобы наесться до отвала, еще и осталась порция, которую Нелли выложила в банку и завинтила крышкой. Чтобы они с Зорьяном взяли с собой. И ватрушек целый пакет подарила. Мохито был на седьмом небе от радости: подарок пах выпечкой, медведицей и медвежонком. Он не ощущал зависти – видимо, потому, что не знал Цве-

тана раньше, и тот своим счастьем у него ничего не отобрал. Мог бы и не приглашать в дом, но пригласил, поделился каплей семейного уюта и домашней едой. Нет, никакой зависти. Только благодарность.

Мохито растянул ватрушки на два дня. Деликатный Зорьян не стал покушаться на выпечку, удовольствовавшись мясом с баклажанами. Мохито это было только в радость. Он разделял отрезки времени, вознаграждая себя подарком. Пробежал кросс, выполнил упражнения – получай ватрушку. Вышел на построение, огреб порцию нравоучений от Светозара, проверил стенды со спецтехникой – получай вторую. Это помогало сосредоточиваться на текущих делах, отодвигать подальше мысль о неизбежном одиночестве. Первый порыв – увольняться, бежать – утих. Привязанность к Йонашу и Шольту, привычка топтать знакомые переулки и парковаться на узких улочках привязывали к месту сильнее выкопанной берлоги. Если бы знать, что где-то ждет вторая половинка, Мохито, без сомнения, бросил бы все и уехал. Но не мог решиться на побег в пустоту.

Страдания продлились два с половиной дня, и оборвались в десять часов вечера – бродившие по кругу мысли спугнул хрип динамика внутреннего оповещения. Искаженный голос дежурного, доносившийся из черной коробочки в прихожей и репродукторов на плацу, взбодрил объявлением боевой тревоги. Мохито, бросивший недоеденную картошку с печенкой, одевался, поглядывая на часы и укладываясь в

нормативы. Зашнуровав ботинки, он скатился по лестнице, выскочив из подъезда, чуть не сбил с ног Зорьяна. Они побежали в оружейную следом за лисом Христофором, опережая волка Живомира. От КПП уже мчалось подразделение волка Гвидона – как выяснилось позже, дружная компания холостяков не разошлась по квартирам, а просиживала штаны в блинной возле части, поглощая третий ужин и гоняя чай.

Получая оружие и патроны, Зорьян повернулся к нему, быстро спросил:

– Ты ничего не учуял возле подъезда? Чужой запах.

– Нет, – честно признался Мохито. – А чей? Человек, волк, лис?

– Неважно, – уклончиво ответил Зорьян. – Наверное, показалось. Вернемся – перекинусь и хорошенько все обнюхаю.

После этого стало не до разговоров на сторонние темы. Два подразделения, согласно приказу командира роты, погрузились в микроавтобусы. Еще одна группа – в вертолет. Судя по координатам, цель была не так уж далеко от города. Медвежий хутор Болотный Удел, затаившийся в балке между двумя деревнями. Одно из подворий официально занималось производством медовухи, имея разрешение на посев полей волкобоя. По данным информатора, в погребах сейчас скопилась и бирючиновая настойка, запрещенная к производству и реализации, и концентрат сока волчегодника, закрепленный химическими добавками. По неподтвержден-

ным сведениям на подворье использовался рабский труд, в домах могли удерживать заложников.

Тренировки до седьмого пота не забылись, подразделения продвигались к избам слаженно, как к макетам на полосе препятствий. Медведи оказывали вялое сопротивление – отстреливались из охотничьих ружей, превратившись, загоразивали массивными тушами двери, нападали на тех, кто входил через выбитые окна. Мохито с Зорьяном искали вход в подвалы, выслушивая указания голоса в наушниках. Они углубились в боковой коридор, удалились от шума и выстрелов. Быстро нашли пригнанную крышку, скрывавшую спуск в подпол, осветили темное подземелье.

Зорьян спустился первым, сбил прикладом замок с ближайшей двери. Свет фонарика скользнул по ящикам, заполненным бутылками с черной жидкостью.

– Обнаружена партия товара. Перехожу к следующему помещению.

Второй замок победил Мохито. Дверь закричала, неохотно открываясь. Ствол автомата обвел темную комнату, повторяя движение светового луча. Зорьян задержал фонарик на белесом тюке возле стены. Опустил ствол, всмотрелся, нашарил выключатель. Мохито не успел выругать его за нарушение инструкций – тусклая лампочка осветила подземную комнату. И не просто комнату. Тюремную камеру, в которой держали белого медведя.

Один конец цепи крепился к вмурованному в стену коль-

цу, второй – к массивному железному ошейнику с шипами, способному убить при превращении. Мохито сделал шаг, другой, почувствовал пробивающийся сквозь смрад запах медведицы, и чуть не потерял контроль над телом из-за нахлынувшей ярости. Под боком у почти бездыханного тела копошился небольшой грязный комочек. Белый медвежонок.

Он попытался разорвать цепь руками, краем уха слыша, как Зорьян докладывает начальству об обнаружении пленников. Звяканье металла заставило медведицу зашевелиться. Она зарычала, оскалила зубы, подгребая лапой медвежонок под бок. Зорьян оттолкнул суетящегося Мохито, скинул на пол рюкзак со снаряжением.

Они быстро скрутили гайку с болта ошейника. Медведица вытерпела процедуру без звука, но когда ее подтолкнули к выходу, снова зарычала.

– Медицинская помощь нужна? – спросил командир.

– Да, – буркнул Мохито в микрофон.

– Тогда берите мою машину и везите их в больницу.

– Так точно.

– Выходите наверх, я отправляю двойку на замену.

«Легко сказать, да трудно сделать», – подумал Мохито и попробовал поднять медведицу с пола. Та оказалась не такой уж тяжелой, сильнее мешало то, что она начала вырываться и кусаться.

– Я беру мелкого и несусь наверх, – громко и отчетливо про-

говорил Зорьян. – А вы – следом.

Он поднял медвежонка, потряс его у медведицы перед носом и быстро пошел к лестнице. Мохито двинулся за ним, стараясь не уронить дергающуюся тушу. Медвежонок тихо скулил. Наверху, в коридоре, раздавались выстрелы.

Глава 3. Вартуша

Эти двое подарили ей шанс сбежать. Вартуша не могла понять, откуда в подвале взялись чужаки – Борислав никогда не пускал во двор волков, да и гролару не позволил бы переступить порог. Откуда бы ни взялись, этим подарком судьбы надо было воспользоваться. Она хотела ухватить Тихона за шиворот, вынести во двор, и бежать, куда глаза глядят, но голодовка и жажда лишили сил, непослушное тело распласталось на полу, и задача оказалась невыполнимой. Она могла только рычать, обещая гролару, что перегрызет ему горло, если тот обидит медвежонка. Угрозы никого не напугали – волк подхватил Тишу и понес к выходу. Кажется, что-то сказал, но Вартуша не разобрала ни слова. В ушах звенело, перед глазами плыли темные пятна. Гролар поднял ее с пола, пошел следом за волком, и Вартуша догадалась – Борислав сторговался с дальней родней и продал ее на другой хутор, к заготовщикам. Почему продал вместе с Тишей? От него еще долго не будет толку, слишком мал, чтобы работать.

«Какая разница – почему. Главное, что вместе».

Несмотря на скверные перспективы, оставалась призрачная надежда на побег в пути. Вартуша притихла, чтобы подкопить силы, и, неожиданно, услышала крики и звуки далеких выстрелов – как будто затычки из ушей выдернули. Волк продолжал идти впереди, прижимая Тишу к боку. Спустил-

ся с крыльца, равнодушно переступил через закованного в наручники Борислава, направился к распахнутым воротам.

Вартуша старалась не отводить взгляда от волка и Тиши, но волей-неволей замечала странности: по двору деловито сновали люди в военной форме и с оружием, стекла в окнах осыпались на землю осколками, некоторые двери и рамы были выбиты, а посреди поля бирючины стоял вертолет. И волк, и несший ее гролар тоже были военными – в экипировке и с оружием. Вартуша озадачилась: хорошо это или плохо? Борислав таился от властей, и не рискнул бы продать рабыню военному.

«Он же в наручниках! Борислав в наручниках!»

Повернуться, чтобы убедиться – не показалось ли? – ей не удалось. Волк подошел к темно-серому внедорожнику с красной полосой на боку, открыл заднюю дверь, осторожно положил Тишу на сиденье. Гролар дождался, пока волк отойдет в сторону, присел, позволяя Вартуше проползти вперед. Когти расплосовали обивку. Вартуша прижала уши, ожидая крика. Вместо этого гролар сказал:

– Надо дать ей попить. Как? Где взять миску?

– Сейчас вытряхну лекарства из аптечки, отломлю половинку короба, – ответил волк. – Где вода?

– Вот, на дверце, в креплении.

Услышав звук льющейся воды, Вартуша застонала. Ей подсунули импровизированную миску. Жидкость была теплой, припахивала лекарствами, но она лакала и не могла

остановиться – Борислав кормил и поил только Тишу, наказывая строптивую рабыню голодом и жаждой. Вартуша не знала, сколько бы еще она продержалась, прежде чем начать отбирать еду и воду у медвежонка – сегодня жажда стала уже невыносимой – и сейчас пила и радовалась тому, что пытка закончилась.

– Ты меня слышишь? – волк говорил громко и четко. – Мы отвезем тебя в больницу. Нужно, чтобы тебя и ребенка осмотрел врач. Ты свободна, тебе не придется сюда возвращаться, если только сама не захочешь.

При этих словах гролар отчетливо зарычал. Волк повернулся к нему:

– А если потом она скажет, что это обычное семейное развлечение и у нее нет претензий? Ты же знаешь, как бывает.

Гролар втиснулся на переднее сиденье, громко хлопнул дверью.

– Мы отвезем тебя к врачу, – еще раз повторил волк. – Пожалуйста, лежи тихо, не пытайся выйти из машины на ходу.

Вартуша вылизала остатки воды и поняла, что ее вот-вот стошнит. Тело бунтовало, но сознание немного прояснилось. Все увиденное и услышанное – выстрелы, крики, выбитые окна и Борислав в наручниках – могло толковаться двояко. На хутор явилась или полиция, которой Борислав откровенно боялся, хотя и маскировал это презрительным смехом, или конкуренты, решившие отжать у обнаглевшего пещерника дорогостоящий товар. Вертолет на поле подталкивал

к полицейской версии, конкуренты бы с таким размахом не действовали, но Вартуша решила выждать, чтобы убедиться наверняка.

– Еще воды? – спросил гролар, просунувшийся между спинками сидений.

Вартуша рыкнула, вспомнив лекарственный привкус – а если хотят усыпить, отравить? Нет, лучше потерпеть до того момента, когда она сбежит.

Гролар отодвинулся, сцепил пальцы до хруста, спросил у волка:

– Можешь быстрее?

– На трассе маячки включу, нагоним. Тут, на гравийке, ухабов полно.

Волк не соврал – как только машина выехала на ровный асфальт, по ушам ударил пронзительный визг сирены. Это добавило гирьку на чашу весов, склоняющуюся к полицейской версии. Конкуренты, совершившие налет, или покупатели строптивой рабыни, не стали бы въезжать в город, козыряя мигалками и сиреной. Вартуша почти успокоилась, накрыла сползающего с сиденья Тишу лапой, и продолжила наблюдение. Путешествие по городу было коротким. Гролар и волк переругались – волк желал ехать по навигатору, а гролар требовал свернуть в проулок. Победила медвежья воля, и это напугало – Вартуша почувствовала холодную ярость альфы и вжалась в сиденье. Затаил злобу за испорченную обивку? Или недоволен запахом чужого медвежонка?

Вой сирены оборвался, машина въехала в какие-то ворота. Волк втиснул внедорожник между двумя машинами «Скорой помощи», сказал:

– Посиди с ней, я в приемном покое с врачом переговорю.

Гролар опять повернулся, заговорил с напускным добродушием:

– Сейчас вас и маленького осмотрят врачи. Если понадобится – подлечат. Пожалуйста, не сопротивляйтесь.

Вартуша на всякий случай вжалась в сиденье еще сильнее. Альфа скрывал гнев. Притворялся. Зачем?

– Говорят, чтобы мы ее в третью везли, – сообщил наклонившийся к окну волк. – Без документов только в третью.

– Они что, совсем ошалели? – взревел гролар, перестав скрывать ярость. – Там сплошняком бомжи и нарики, а она с ребенком!

Хлопнула дверь. Волк и гролар побежали к освещенному входу. Вартуша пошевелилась, оценивая, сможет ли выбраться из машины. Лапы не слушались, снова захотелось пить – до шершавой корки на языке. Пока она раздумывала, ругающаяся парочка вернулась.

– Я за руль, – буркнул гролар.

– Нет, – твердо сказал волк. – У тебя руки трясутся. Врежешься в дерево и мелкого до смерти напугаешь. Успокойся. Давай вот что сделаем. Позвони нашему фельдшеру, спроси, сможет ли он сейчас приехать. Если согласится – двинем в часть. Если нет – тогда в третью.

Гролар снова сел на сиденье рядом с водителем, вынул из кармана телефон. После разговора повернулся, одарил Вартушу очередной порцией напускного добродушия:

– Больница Скорой не хочет вас принимать, потому что мы не можем им предъявить удостоверение личности и сказать, есть ли у вас медкарта с прививками. Мы не хотим везти вас в больницу для бродяг и наркоманов, я боюсь, что ребенок подцепит там какую-нибудь заразу. Отрядный фельдшер подъедет в течение получаса, разрешил нам открыть санчасть, чтобы можно было спокойно дожидаться осмотра.

Тиша завозился, захныкал – похоже, проголодался. Или захотел пить. Борислав и его не баловал, считал, что дает урок на будущее. Не слушал Вартушу, которая убеждала его, что двухлетний ребенок не виновен в расправах взрослых и ничего не сможет понять.

– Может быть, воды? – спросил гролар. – Хотите, я возьму его на руки, чтобы вам было удобнее лежать?

Вартуша коротко рявкнула. Гролар умолк. Машина поколесила по слабо освещенным улицам, остановилась перед воротами с гербом и проходной. Волк посигналил. Крикнул высунувшемуся оборотню:

– Заложницу в санчасть везем. Леонтий предупредил?

– Да. Сейчас открою, проезжай.

При слове «заложница» Вартуша встрепенулась.

«Соврали! Не оставили в больнице, сейчас запрут за забором с колючей проволокой. Заложница, которую никто не

будет искать. Медведица без документов».

Она дождалась, пока волк с гроларом выйдут из машины, споря, где искать ключи от санчасти. Подцепила когтями ручку, открыла дверь, прикусила загривок Тиши и вывалилась на асфальт. Автомобиль скрыл ее от глаз удаляющейся парочки. Вартуша оценила ворота, прожектор и проходную, поняла, что не сможет выйти этим путем, и побрела в сторону зарослей – слева призывно шуршали ветки. Она надеялась затаиться в тени, отдохнуть и поискать забор. Любую ограду можно попробовать перелезть или сделать подкоп.

Он продралась сквозь кусты самшита и вышла к двум слабо освещенным статуям и чашам для подношений. Камул и Хлебодарная сидели, любуясь друг другом, не обращая внимания на незваную гостью. Вартуша попятилась, обошла чаши и нырнула в переплетение ветвей. Тиша задергался, спрыгнул на землю. Принюхался, чем-то зачавкал. Вартуша повела носом, нашла пригоршню шелковицы, насыпавшейся с дерева и закатившейся под хмель, и тоже приступила к трапезе.

Пища, попадавшая в желудок, отзывалась острой болью. Инстинкт требовал есть медленно – медведи умели правильно выходить из голодовки, неизбежно сопровождавшей зимнюю спячку. Вартуша слизала еще горсть ягод и тихим свистом подозвала Тишу: «Иди сюда! Бери! Здесь много». Тот довольно заурчал – любил фрукты – и притих, услышав приближающиеся голоса.

– Сидел бы рядом с ней, – огрызнулся волк. – Я пошел ключи искать, а тебя зачем следом понесло?

– Решил не докучать. Она меня боится.

– Она всех сейчас боится. Так. Сюда.

Затрещали ветки. Виноградная плеть, цеплявшаяся за дерево, с шорохом соскользнула на землю. Вартуша схватила Тишу и побежала прочь от преследователей. Она наткнулась на стену дома, обошла его по асфальтовой дорожке, столкнулась с гроларом и спряталась в какую-то дверь. Альфа тут же вошел следом. Вартуша поднялась по лестнице, опустила Тишу на пол, ворчанием предупредила: «Не подходи – убью». Гролар замер.

– Нашел? – закричал волк.

Голос подстегнул к действию. Вартуша толкнула еще одну дверь, оказавшуюся незапертой, и отступила в чью-то квартиру. Тиша побежал вперед, спрятался под раскладной диван. Вещи, мебель, коврики – все пропахло альфой. Злым гроларом. Вартуша поняла, что сама, добровольно, вошла в ловушку, и легла на пол. Она понадеялась, что у нее хватит сил не подпустить гролара к ребенку. Не позволить унести. Разлучить.

Настенные часы мерно тикали, отсчитывая секунды, складывающиеся в минуты. На лестнице и за окнами было тихо. Вартуша ждала, наслаждаясь передышкой и невольно задремывая. Отключиться, провалиться в забытие мешал запах гролара. Действовал как нашатырь – вытаскивал из кратко-

временного обморока. Тиша, не понимавший нависшей над ними угрозы, возился под диваном, скреб коготками по фанере, гремел чем-то железным. Потом, сопя, выкатил из-под дивана две отвертки и гордо разложил на коврик. В другое время Вартуша бы обязательно превратилась и похвалила его за находку и наведение порядка. В другое время. Не сейчас – потому что кто-то постучал в дверь.

После стука дверь медленно приоткрылась. В щель просунулась чья-то рука, нащупала выключатель. В прихожей зажегся свет. В квартиру вошел волк в белом халате с квадратным ящиком-чемоданом. Смесь лекарственных запахов пощекотала ноздри. Вартуша сдержалась, а Тихон чихнул. Гролар маячил за спиной волка в халате, но порог не переступал.

– На что жалуемся? – деловито спросил волк. – Давайте, превращайтесь. Я вас осмотрю. Померяем давление, послушаем пульс.

Громкий рык заставил его сделать шаг назад.

– Мы так не договаривались, – сказал волк гролару. – Ко мне все пациенты добровольно приходят, я насильно никого не лечу. Видимых повреждений у нее нет. Глаза чистые, слюна не пенится. Имеется дефицит массы тела, но не критичный.

– А можно дать ей что-нибудь успокоительное? Валерьянку?

– Зачем? Вы же ее из какого-то подвала приперли, как я понял? Дай ей отлежаться, отоспаться. Пусть поест, искупа-

ется. Если хоть что-то соображает – превратится, чтобы искупать ребенка. Покормит. Надо пару дней подождать. Посмотреть, как дело пойдет. В крайнем случае, вызовем психиатра. Если крыша поехала, то валерьянка не поможет.

– Хорошо, так и сделаем, – закивал гролар. – Оставим ее в покое. Спасибо, Леонтий!

– Было бы за что, – отмахнулся волк. – Завтра утром к ней зайду. Сегодня в медчасти переночую. Если вдруг у нее судороги начнутся или что-то в этом роде – зовите. Подумаем, что делать.

Вартуша поняла, что ее не будут кормить лекарствами и силком тащить в больницу. Никто не пытался подойти ближе, схватить Тишу. Волк в халате ушел, гролар топтался в прихожей. Свет падал ему на лицо, и Вартуша, наконец, смогла спокойно рассмотреть своего спасителя-похитителя. Не клочок отражения в автомобильном зеркале, не контур профиля, а все целиком. Первое, к чему прилипал взгляд – шрамы. Толстые жгуты, расползающиеся от глаза к шее, виску и изуродованному уху. Казалось, что на лице гролара расплющили ядовитого паука, оставившего на коже неизгладимые следы. Вартуша спохватилась и отвернулась – стало стыдно, что она оскорбляет альфу демонстративным разглядыванием. Гролар вздохнул, поднял руки, показал открытые ладони – общеизвестный знак мира. Заговорил – неожиданно невнятно, глотая часть звуков:

– Постельное белье и полотенца в шкафу. Холодильник

полный. Есть молоко, сметана, ягоды. Все свежее. Ешьте, покормите сына. Я ухожу. Квартира в вашем распоряжении. Спокойной ночи.

Перед тем, как уйти, гролар осторожно прокрался к креслу, ухватил какие-то тряпки, и вышел, пятясь и извиняясь. Вартуша закрыла глаза, сосредоточившись на звуках. Топ-топ-топ – это гролар спустился по лестнице. Хлоп. Вышел из подъезда. Волк спросил:

– Будем караулить? Или пойдем ко мне? Если она захочет сбежать, я не знаю, как ее останавливать. Не шокером же тыкать.

– Сначала в оружейную, – ответил гролар. – Я сдам автомат, переоденусь у тебя и посижу возле подъезда. Или не посижу. Она меня боится.

– Помню-помню, именно тебя, – отозвался волк. – Я тоже оружие сдам. Давай чаю попьем? У меня есть рыбные консервы.

– К чаю? – удивился гролар.

– К чаю. Больше ничего нет. А в ночной магазин выходить неохота.

Хлопнула еще одна дверь – чуть дальше. Через некоторое время в доме напротив зажегся свет. Вартуша подобралась к подоконнику и совместила подслушивание и наблюдение – окна в квартирах были распахнуты, занавески отсутствовали. Гролар снял бронежилет, но это не добавило ему изящества. Крепкий альфа, настоящий кряжистый медведь. Та-

кой сможет защитить и свою медведицу, и ребенка, и пару волков в придачу. Обидно, что Вартуша и Тиша вызывают у него ярость, маскируемую добродушием. Обидно, но понятно: альфы не хотят тратить силы на чужих медведиц, портящих сиденья в машинах, вламывающихся в квартиры и пропитывающих их своим запахом.

Гролар помаячил в освещенном окне, исчез, вернулся уже без рубашки и майки, позволяя рассмотреть шрамы на правой руке и груди. Вартуша невольно залюбовалась размахом плеч, игрой мускулов и тут же отвела взгляд – нехорошо подсматривать. Может быть, где-то, в отдельном доме, гролара ждет медведица с медвежатами. Супруга, с полным правом прикасающаяся к этому телу. Бурые медведи часто жили отдельно. Наверное, потому гролар их в эту квартиру так легко и впустил – временную берлогу не жаль.

– Я что сейчас подумал... – волк появился в кухне, с грохотом поставил чайник на плиту. – А мы ей представились?

– Кому?

– Этой заложнице. Надо было сказать, кто мы, показать удостоверения. Я не показывал. А ты?

– И я не показывал, – буркнул гролар. – Не до того было.

– В подвале не до того. А возле машины надо было ей объяснить, что мы из Управления по контролю за оборотом наркотиков. Что мы везем ее в безопасное место, что завтра к ней придет следователь, и все такое прочее. А мы ее молча умыкнули.

– Пойти, постучать?

– Не знаю. А вдруг она задремала? Или сын заснул? Свет не горит. Завтра уже. Объяснительные напишем, если претензии будут.

– Напишем, – согласился гролар. – Я командиру доложил, что мы ее в часть отвезли. Он обещал известить Следственный Комитет.

Вартуша отлипла от подоконника и перебралась в кухню. Голоса разносились на всю округу, шевелили дикий виноград и путались в плетях хмеля – и захочешь, но ни одного слова не упустишь. На столе стояла тарелка с аппетитно пахнущей печенкой и вареной картошкой. Запах еды перемешивался с запахом гролара, и Вартуша взяла картофелину, чувствуя себя воровкой, покусившейся на чужую порцию. Память тут же услужливо подсунула факт: когда гролар топтался в прихожей, и разрешал брать еду из холодильника, то говорил искренне – без ярости и напускного радушия. Пожалуй, немного смущался – если такое понятие можно применить к сильному и уверенному в себе альфе.

– Главное, чтобы она жалобу не накатала. Или ее муж. Впяют нам за незаконное задержание. Возьми потом у командира телефон следователя, попроси, чтобы подъехал побыстрее.

– Смысла нет, – отозвался гролар. – Три часа уже вышли, а дальше арест для выяснения личности сорок восемь часов. Или она пожалуется, или не пожалуется. Но мне кажется...

– Что?

– После ошейника и подвала...

– Мохито, ты как вчера на свет родился. И после ошейника, и после подвала. И на соседа, который влез в супружескую свару, и на сотрудника полиции. Да хоть на собственного ребенка можно написать!

– На ребенка? Это ты загнул, – покачал головой гролар.

– Камула ради! Вот я перед тобой стою, живое доказательство.

Вартуша проглотила вторую картофелину, стараясь не издавать громких звуков. И – самое главное – не заглушить чужой разговор.

– Ты не говорил, – после молчания проворчал гролар. – Даже не намекал.

– А зачем? История давняя, родители уже в могиле. В личном деле все записано, кому надо – знают. Да и в газетах об этом в свое время писали, просто сейчас уже никто не вспоминает. Родители пили. Бузинную настойку и волчегодную бражку. Когда в бутылке оставалось на доньшке, а денег не было, начинали ругаться и драться. Я, пока мелкий был, прятался. Подрос – пытался утихомирить, по разным углам развести. В тринадцать лет я уже прилично так вымахал. Отцу сдачи давал. С переменным успехом. И, когда вернулся из школы, и увидел, как он мать шваброй охаживает, вступился. От злости силу не рассчитал, сломал ему челюсть. Пришлось в травмпункт ехать. Его отправили в больницу, а от-

туда в полицию сообщили. И моя мать написала заявление, что я вспыльчивый, конфликтный, постоянно их избиваю и забираю с трудом заработанные деньги, чтобы тратить на алкоголь. Полицейские заявление почитали, отправили меня в спецприемник. Повезло, что дело попало к дотошному следователю. Тогда в деревне больше жителей было. И люди, и оборотни еще не разъехались. Следователь всех наизнанку вывернул: и сельского старосту, и почтальона, и школьных учителей, и соседей. Дело передали в суд. Отца и мать за оговор лишили родительских прав. Меня отправили в кадетское училище – сам выбрал, мог бы в школу-интернат перевестись, а потом в техникум. Я пошел в кадетское, потому что был благодарен следователю, решил, что защищая закон и порядок, отплачу долг Камулу и Хлебодарной за счастливое вмешательство в судьбу. Не жалею. Но помню, что между мужем и женой лучше не встречать. Виноватым останешься.

– Если будет жалоба и служебное расследование, я возьму вину на себя, – сказал гролар.

– Нет уж. Попролам.

– Я...

– Попролам, – повторил волк. – Слушай, давай я Христофору напишу? Надувной матрас у него возьмем, ляжешь во второй комнате. Надо отдохнуть, завтра в любом случае будет карусель.

– Нет, – отказался гролар. – Я лечь не хочу. В кухне посижу.

Тиша, наигравшийся с отвертками и рулоном скотча, пришел к Вартуше и тихим писком потребовал еду. Пришлось превращаться – не сбивать же тарелку со стола лапой. Смена тела отозвалась болью в костях и мышцах. Вартуша закусила губу, чтобы не закричать, отдышалась и поставила на пол тарелку с печенкой. Тиша начал вылизывать сметанную подливку. Гролар и волк поделили банки с рыбными консервами, вскрыли и приступили к трапезе – без хлеба, с мармеладом и несладким чаем. Вартуша осторожно влезла в холодильник, сторя от стыда – своим вторжением она оставила гролара без нормального ужина. Под руку попалась плошка с черникой, сметана в стеклянной банке. Пара ложек и горсть ягод успокоила бунтующий желудок, и Вартуша на цыпочках направилась в ванную, чтобы набрать воду. Надо было испугаться, отмыть Тишу, прогоняя запах подвала. Сейчас, когда из разговора стало ясно, что ее не украли и не перепродали, захотелось высунуться в форточку и пообещать, что она не будет писать никаких жалоб. Как захотелось – так и расхотелось. За три года проживания на хуторе она привыкла таиться.

– Да! – выкидывая банку в мусорное ведро, спохватился гролар. – Что ты говорил про запах, когда мы выезжали? Кого-то учуял?

– Теперь ничего не разберешь. Все медведями пропахло. Подожду, понаблюдаю. Позову тебя, чтобы ты понюхал.

На этом беседа закончилась – волк вышел из кухни, а гро-

лар остался сидеть за столом, подпирая кулаком расписанную шрамами щеку. Вартуша подхватила Тишу, включила свет в ванной и плотно прикрыла дверь. Увидев воду, медвежонок превратился прямо на руках – это работало безотказно, он любил купаться, ощущая теплую воду кожей. Они разместились в ванне не вольготно, но без особого труда. Вартуша не крупная, Тиша еще маленький. Можно расположиться и совмещать купание с игрой – осторожно брызгаться, и лопать вспенивающиеся мыльные пузыри. Вдоволь наплескавшись, они заглянули в кухню, съели немного сметаны и черники – в темноте, прячась от взгляда гролара. Подумав, Вартуша решила не возвращать медвежье тело, а лечь спать на диване. Захотелось вытянуться, подсунуть руку под щеку, устроить Тишу под боком. Если утром кто-то попытается войти – замок она предусмотрительно заперла – то разбудит ее шумом.

Следователь явился около полудня, после двух визитов фельдшера, который осмотрел Тишу, дал витаминку и совет сразу много не переждать – никто ничего не отнимет. Вартуша успела еще раз искупаться, позаимствовать футболку и шорты гролара, совершить налет на холодильник, скромно позавтракать и накормить Тишу. Ребенок, закутанный в полотенце, развлекался обыском квартиры, не желая смотреть включенный телевизор. Под журнальным столиком нашлись плоскогубцы и паяльник – их Вартуша незамедлительно отобрала и пристроила на верхнюю полку комода; в кухне, воз-

ле мусорного ведра – три мотка разноцветной изолянт, а во второй комнате, под креслом – пузырек перекиси водорода и гаечный ключ на двенадцать. Беготня по комнатам и складирование находок окончательно упорядочили мысли. К приходу следователя Вартуша приготовила связный рассказ – ее надоумили обмолвки гролара и волка. Вчера оба, не сговариваясь, назвали Тишу ее сыном. Как и фельдшер сегодня.

Вартуша решила рассказать следователю не всю правду. Часть. Утаить, что у них с Тишей нет кровного родства. Пещерники не будут заявлять права на приبلудного медвежонка. Мать Тиши давным-давно сбежала и не оспорит ее слова. Если не соврать, не приписать себе материнство, Тишу отберут и отправят в детский дом. Может быть, это и правильно по закону, но Вартуша выкормила этого ребенка из соски и два года охраняла, не позволяя пещерникам его обижать. Тиша – ее сын. Хоть и не по крови.

Она ожидала, что сторит со стыда, излагая свою историю вперемешку с враньем, но сухие официальные вопросы поумерили шквал эмоций. Вартуша отвечала, почти не задумываясь, излагая факты. Уехала из дома в волчью столицу в двадцать лет, наслушавшись баек о яркой жизни в городе больших возможностей. Ничего не изменилось. Как и в родном городишке, начала торговать на рынке вяленой рыбой – ни на что больше не сгодились. Заработная плата уходила на съем комнаты, оставшихся крох хватало на скудную жизнь. Через год унылого существования Вартуша познакомилась с

белой медведицей по имени Наиля, такой же продавщицей на рынке, затевавшей бесконечные романы с подвернувшимися под лапу медведями. А уже потом, через Наилю – с отцом Борислава, приезжавшим в столицу с товаром, разрешенной медовухой. Вартушу поманили работой на хуторе – сбором меда, фруктов, домашним консервированием. Жизнь в райском уголке, да еще и с хорошей оплатой. Захотелось избавиться от запаха вяленой рыбы, пропитывавшего шерсть и вещи, и она приняла предложение, решившись на очередной переезд – сама бы, может, и побоялась, но Наиля тоже собралась в путь.

Попав на хутор, Вартуша моментально избавилась от иллюзий. Работники и работницы ночевали в сарае, вкалывали с раннего утра до позднего вечера, скудно ели, спали на сене, вповалку. Документы отец Борислава сразу отбирал, дворы были обнесены крепкими заборами, ворота охраняли угрюмые альфы. Те, кто пытался бежать, говорили, что полиция в соседних селах подкуплена, и возвращает беглецов на хутор за умеренную мзду.

Дойдя до этой части истории, Вартуша вступила на скользкий лед. Она не решилась сказать правду – что Наиля родила ребенка весной, после зимовки у пещерников. Неизвестно, от кого, вряд ли от Борислава, хотя и с ним успела познакомиться поближе. Судя по сроку, привезла подарок из столицы. Родила, покормила неделю и сбежала – может быть, и сговорилась с кем-то, потому что Борислав на нее орал за

беседы с водителем, забравшим товар.

Наиля сбежала, а Тиша достался Вартуше. Потому что больше никому до белого медвежонка дела не было. К счастью, и сама Вартуша, как медведица, никого не интересовала – пещерники относились к ней с презрением.

Следователю Вартуша твердо сказала, что не собирается никого обвинять, хочет получить свои документы, оформить свидетельство о рождении ребенка и уехать. Она честно припомнила фамилию Наиля. Подумала, что если ее найдут, и она вспомнит о ребенке, которому не удосужилась дать имя, тогда придется отступить. Отдать. Но только ей, а не в приют или пещерникам.

От дней минувших перешли к нынешней ситуации. Вартуша объяснила, что Борислав запер ее и Тихона в подвале в отместку за постоянные просьбы оформить ребенку документы и отвезти его в поликлинику. Следователь, вздохнул, внес показания в протокол и сообщил, что Вартуша имеет право на убежище по программе защиты матерей, попавших в сложную жизненную ситуацию.

– Я могу где-то пожить?

Понятно было, что долго прятаться в квартире гролара не получится. Надо радоваться, что их с Тишей не выкидывают на улицу – без денег и документов.

– Имеется проблема. В таких случаях мать с ребенком размещают в приюте, где ей оказывают помощь сотрудники департамента соцзащиты. Но приют закрыт на карантин по

кори.

– И что теперь делать?

В дверь постучали. В прихожую вошел барибал с объемным пакетом в руках. Он улыбнулся Тише, поздоровался с Вартушей и сообщил:

– Я принес вещи вашему сыну. Сарафанное радио донесло, что в приюте для попавших в трудную ситуацию карантин по кори. Кто-то из врачей «Скорой помощи» рассказал об этом фельдшеру Леонтию, тот пересказал Мохито, а Мохито пошел к командиру части и спросил, можно ли вам будет пожить в одной из свободных квартир. Светозар поинтересовался, за что ему такое наказание, и велел делать ремонт за свой счет, без возмещения из бюджета. Живомир уже пообещал покрасить окно, а Христофор подарит вам надувной матрас.

– Вот все и устроилось, – с явным облегчением сказал следователь. – Мы сейчас начнем разбирать изъятые в ходе обыска документы. Я вас извещу, если ваш паспорт отыщется. Если нет – отправим официальные запросы, получите дубликаты. А потом уже получите свидетельство о рождении ребенка. По требованию прокуратуры на основании следственных материалов.

Тиша немедленно вцепился в улыбающегося барибала. Согласился померить летний комбинезон. Кивнул, услышав предложение: «Пойдем гулять на улицу?». Вартуша попыталась его остановить, но барибал Цветан сказал:

– Зачем сидеть в четырех стенах? Пойдемте, пройдемся. Посмотрите, как тут все устроено, выберете себе квартиру.

Ушли недалеко – успели обойти дом и полюбоваться на лавочку, на которой лежал рулон обоев и четыре банки из-под бузинного пива. Волк Зорьян возник, как из-под земли, тихо проговорил:

– Не ходите в сторону плаца. Светозар в бешенстве.

– А что случилось? – удивился Цветан. – Пятнадцать минут назад все было нормально.

– Ага. Мохито вовремя к нему подкатить успел. Только что позвонили из мэрии, заявили, что наше главное здание – памятник архитектуры, а статуи Камула и Хлебодарной и чаши – объекты культурного наследия. Требуют фотографии и обещают всяческие кары, если наследие подпорчено. Вроде бы, на неделе пришлют комиссию.

– Хм, – сказал Цветан. – С чего это они вдруг спохватились? Мохито говорил, что тут все лет тридцать стояло и ветшало, никому дела не было.

– А сегодня вспомнили. Светозар орет, обещает собственными руками заложить в здание взрывчатку и превратить его в груды обломков.

– Хорошо хоть Камула с Хлебодарной пожалел, – пробормотал Цветан. – Действительно, лучше не показываться ему на глаза. Можно к дальнему забору прогуляться, туда Светозар точно не пойдет.

Зорьян составил им компанию. Взобрался на дерево, на-

рвал Тише плоску черешни, сам же и съел половину, плюя косточки в кусты. Потом притащил огромный пакет кукурузных палочек и стопку бумаги, из которой наverts самолетиков и пароходов, вызывая восторженный писк Тиши. Вартуша не уставала удивляться: ее приняли без расспросов и вопросов, как приехавшую в гости родственницу, с которой не виделись, но следили за ее жизнью, обмениваясь письмами. Цветан без всякого стеснения рассказывал, что жена скоро родит, описывал, какие подношения складывает в чашу Хлебодарной, чтобы исполнилось их общее желание: «Так хочется, чтобы девочка родилась!». Зорьян поддакивал, но в основном интересовался гастрономической стороной вопроса – сколько раз Нелли успеет покормить их вкусным обедом до того, как отправится в роддом? И хорошо бы напечь ватрушек, ватрушки были объеденье, но ему ничего не досталось – Мохито отобрал.

Вартуша вспомнила вчерашний чай с мармеладом и рыбными консервами, почти решила сказать Зорьяну, что умеет печь и ватрушки, и коржики, и медовые кексы, и даже торты, но привычно промолчала. Ей было интересно, куда ушел гролар, которого все называли Мохито – с ним надо было поговорить, переборов страхи и косноязычие, поблагодарить за то, что сходил к командиру и уговорил разрешить пожить в свободной квартире. Вартуша набралась смелости, сказала Зорьяну спасибо за спасение – тот отмахнулся, как будто речь шла о стакане семечек – и спросила, где Мохито.

– К друзьям поехал, – охотно объяснил Зорьян. – У него приятель, с которым они в общаге вместе жили, у приятеля сын от первого брака. Мохито присматривал за пацаном, когда папаша в госпиталь попадал. Там сейчас большая волчья трагедия – Йонаш должен был поехать в летний лагерь, а заезд прикрыли из-за карантина по кори. Слезы, сопли, Шольт помчался к полковнику, чтобы его отпустили в отпуск, попал под горячую руку и получил разнос. А Ханне с утра показалось, что у Катарины корь, и она вызвала врача из поликлиники. И тоже попала под горячую руку. В общем, все переругались, все рыдают, а Мохито должен как-то объяснить Йонашу, что прямо сейчас не может позвать его в гости, потому что Светозар не выдержит превращения части в филиал летнего лагеря и детского сада.

Это было так странно – волчонок, рыдающий из-за того, что не может поехать в гости к медведю – что Вартуша промолчала, не зная, что сказать.

Часов в пять Цветан ушел, велел Вартуше звонить, если что-то потребуется. Он, мол, всегда может передать трубку Нелли, если возникнут какие-то деликатные проблемы. Зорьян отнес заснувшего Тишу в квартиру Мохито, уложил на диван, и заверил, что срочно переезжать не надо. У него свободна вторая комната, у лиса Христофора есть надувной матрас. Мохито без проблем поживет в его квартире. Особенно если Вартуша позволит ему иногда заходить и брать кое-какие вещи.

От обилия общения и положительных эмоций навалилась усталость. Вартуша улеглась рядом с Тишей и заснула, позабыв запереть дверь. Разбудили ее громкие голоса – в доме напротив Зорьян с Мохито инспектировали холодильник и кухонные шкафчики и обсуждали меню ужина.

– Давай я суп сварю?

– Ой, нет, только не суп.

– Жидкое надо есть обязательно.

– Я лучше воды из-под крана попью, – ответил Зорьян. –

О! Я рис нашел. Можно кашу сварить.

– Просто кашу?

– Можно сложно. Можно с колбасой, можно с мармеладом. А можно не варить. Гвидон говорил, что в блинной после шести вечера комплексные обеды со скидкой распродают. Я сейчас схожу, гляну, они все сожрали или что-то осталось.

– Купи на всех, – Мохито показал на свое окно. – Туда тоже.

– Понятное дело. Как ты думаешь, мелкий мороженое будет?

– Не знаю. Купи. Деньги я сейчас дам.

– Какие деньги? Завтра что-нибудь купишь.

Вартуша разрывалась между желанием поблагодарить и опасением вызвать у гролара приступ ярости. Альфа проявил доброту и щедрость сильного – обеспечил приبلудной медведице кров и еду, но явно не собирался разговаривать.

Нахлынуло отчаяние: «А как ты думала? Что тебя везде будут принимать с распростертыми объятьями, жалеть за твои ошибки? Дома вообще могут на порог не пустить. Скажут – где нагуляла ребенка, там и живи. А если признаешься, что чужой, покрутят пальцем у виска и точно вышвырнут».

Она заставила себя улыбнуться Зорьяну, когда тот принес ей кукурузную кашу, тефтели и мороженое. Проговорила очередное «спасибо», покормила Тишу и села на пол возле дивана. В комнате было темно, но включать свет, показываясь соседям, не хотелось. Тиша превратился и опять полез под диван – вероятно, там таились еще какие-то богатства. Варгуша обнимала колени, готовилась отнять очередную отвертку или плоскогубцы, и не сразу поняла, что к шороху под диваном примешивается другой звук. Кто-то скребся во входную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.